

АЛЕКСАНДР КУДЕЛИН

НЕУСТАВНЯК 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Куделин Тамара Новикова Неуставняк 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56553995

SelfPub; 2021

Аннотация

В большинстве книг о войне в Афганистане – это скоротечная интрига с горькой победой на конце, хвастливое мужество писателя или едва прикрытая зависть к рядом стоявшим. А ещё надуманная гадость, облечённая в литературную дрянь.... Я не ставлю себе памятник, а рассказываю про то как нас убивали, превращая в собственное отрицание, которое принимала Родина, чтя нас героями. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Страшнее смерти только жизнь!	4
Почти ностальгия	7
Взлёт – посадка	13
Часть 1. Всё как честь	28
Вавилон от ВДВ	28
Лагерь легионов	28
Условности	31
Господа офицеры	33
Модуль	34
Палатки	36
Ещё	37
Всё остальное	39
Ха!!!	39
Да и...	40
Мы	41
Земляки	42
Здрасьте, притопали	55
К бою, суки, к бою!	80
Махнём, не глядя	92
Питекантропы	115
К торжественному маршу!	133
Мы. (Слоны) —	148
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Александр Куделин

Неуставняк 2

Страшнее смерти только жизнь!

– Разрешите обратиться? – солдат, собравшийся проникнуть в курилку, видимо, из последних усилий цеплялся за остатки разума, чтобы найти оправдание себе и окружающей его действительности.

– Садись, кури и говори! – Я не был его прямым начальником, но этого солдатака заметил сразу, как только их привели в батальон.

Что-то неумолимо знакомое было в нём и во всех его манерах, которые для меня были как таблица умножения.

– Можно откровенный вопрос?

Не думаю, что он осмелел из озорства.

– Да.

– А правда, что когда вы были Слоном, вы больше всех в части получали пизды?

– Да, и мне за это не стыдно. – Я не стал переводить дух, чтобы поразглагольствовать о том, что вокруг него происходит. – Главное, что мне не совестно перед собой, а все мои сослуживцы, которые теперь твои дембеля, вообще не могут в мою сторону сказать ни слова.

– Это да. – Он приосанился, словно я прямо сейчас позвал его в атаку. – Мы, если честно, вас уважаем.

Его откровенное заявление породило непрощеную улыбку, которую я, сунув в рот сигарету, постарался сдержать.

– Спасибо, только мне от вас не уважение, а служба нужна! А вот себя постарайся пронести так, чтобы самому себя уважать. – Я встал и вышел, так как перекур, назначенный себе, у меня окончился, а полемика в войсках ВДВ не приветствуется.

Время полностью теряет свои ориентиры, превращаясь в одно определение – здесь и сейчас. Не так страшна смерть, как твоя никчёмность, в которую тебя превращают. Страшна сама мысль о том, что все усилия близких тебе людей могут враз свестись в точку, после которой ни тебя, ни их не станет.

Триллер, в который тебя погрузили, ежесекундно холодит сердце, безвозвратно превращая его в камень. И никто и ничто уже не согреет, чтоб вернуть ему упругую эластичность детской мечты.

Каждое утро я просыпался в кошмар, чтобы в ночь забыться тревогой. Пальцы со съеденными до основания ногтями постоянно искали место, чтобы в нужную минуту начать разгребать холм, который твои сослуживцы старательно нагребали над твоей головой в течение текущего дня.

И снова день, прожитый тобой – это год жизни другого, который, если и пройдёт через всё это, будет жить и переживать каждый миг твоего успеха до самой последней минуты

своей уже полу-жизни. Жестокость каждого участника событий обусловлена только лишь одним желанием – вернуть себя обратно в ту точку, из которой его увели. Но заблуждение состоит не в невозвратности прошлого, а в убийстве собственной души, которую выжившее тело не в состоянии возродить.

И лишь немногие могут с гордостью смотреть назад, чтобы честно говорить вперёд.

Почти ностальгия

Тихая, безветренная, но весьма холодная ночь сменилась резким восходом яркого, жгуче ослепительного солнца. Необычно быстрое пробуждение дня – вдруг всё обрело тени и краски, а светило начало нагревать землю. Видимо, сумерек в этой стороне не бывает.

Мы всю эту ночь, словно пьяные от своей вынужденной бессонницы, ходили по краю неизвестного нам аэродрома и не знали, как согреться. Мороза не было, был пронизывающий холод, который, пройдя сквозь плоть, жрал кости. Причём делал он это с таким вкусом, что от его облизывания бросало в мелкую дрожь.

– Мужики, нехуй шляться, – инициатива этой ночи была в руках Димы Смирных из третьего взвода, – давайте расстелим шинели и плотно ляжем друг к другу.

Мы дружно очистили от небольших камней площадку и расстелили шинели. Расчёт был прост – одна шинель – матрас, другая – одеяло. Размещаться на этой постели следовало плотно прижавшись друг к другу. Пока строили этот достархан, надежда грела, но как только легли и замерли, она медленно вместе с нашим теплом улетучилась. Из приличия или из братской скромности мы, в надежде уснуть, согревшись друг от друга, некоторое время промучились и разбрелись по неведомым просторам неизведанной стороны. Быстрый

рассвет проявил кучки застывших в оцепенении солдат вида гитлеровских пораженцев, гонимых через Москву в Сибирь. Никогда до этого я так не мёрз, а точнее, не зяб. Холод сковал всё – даже мысли о мыслях, которые до наступления этой ночи роились в моём воспалённом разуме: «Снова смена обстановки, вновь неизвестность, опять чужой строй и чувство усталости, как в момент незавершённой драки. Как там? Кто они? Как они нас? Сможем ли мы их?!»

В ту ночь я, оторвавшись от коллектива, пошёл искать себе убежище.

Пол одинокого домика размером восемь на шесть метров был плотно застелен телами измученных холодом вчерашних курсантов десантной учебки. Пробравшись в центр сего лежбища, я бесцеремонно раздвинул тела и разместился сам.

– Ты чего, блядь, припёрся? – подал голос незнакомый боец.

– Слушай, давай обойдёмся без пиздёжа. Двигай свой зад или сейчас метнёшься изображать засаду снаружи периметра, – скопировал я Илюшу, который три дня назад со счастливым лицом покинул пределы оставленной нами части и начал своё одиночное плавание по просторам гражданки.

Голос и манеры Дембеля подействовали. Тела без лишних разговоров раздвинулись, чтобы освободить просторное место по центру пола этого недавно ещё пустого домишки с заколоченными окнами и выломанной десантниками дверью.

Я лежал меж согревающих меня тел и пялился в далёкий,

как казалось в темноте, потолок, листовая страница недавних событий.

... – Вот, смотри, Куделин! – Гарик стоял с непокрытой головой, небеса проливали свою нескончаемую влагу на его короткую причёску, но он словно и не замечал этого. – Там твои штучки не пройдут. Не будь дураком и не лезь на рожон.

– Товарищ сержант, как не лезть, там же война? – Я натужно улыбался, моя фуражка намокла, но из чувства приличия я, как и он, старался этого не замечать.

Очень охота было сказать ему какую-нибудь гадость, но выработанная за полгода привычка чиновничества к этому человеку не позволяла оттолкнуть его от себя и уйти, плюнув ему под ноги. По сути своей плохой он или хороший, он был для нас как Харон, ведущий за руку от прошлого к настоящему. Он был больше, чем брат и значительно больше врага – учитель, воспитатель, садист, стукач, подлиза, откровенное говно – всё это он, но повода назвать его трусом не было. Я и сейчас, пройдя достаточно долгий путь в своём становлении, считаю удачей, что мне довелось узнать такого человека как сержант Гарифулин. Гарик в своём роде «Эксклюзив»!!!

– Кончай пиздеть и брось свою ненужную иронию! – Гарик в последний раз показал мне свои ровные зубы. – Если ты думаешь, что там война и все братья, ты ошибаешься. Мне пацаны пишут, и я знаю, что Гайжюнай¹ по сравнению

¹ Гайжюнай – рота стационарной связи 44 учебной ВДД. Самым страшным на-

с Афганом отдыхает.

Он немного помялся и, сделав шаг навстречу, раскрыл свои объятия. До этого мгновения я никогда, не считая моего отца, с мужиками не обнимался. Меня захлестнули чувства, и я, бросившись к нему, замер в его сильных руках.

– Не будь дураком! – Он оттолкнул меня от себя и, посмотрев в глаза, добавил: – Чтоб тебе выжить, научись не высовываться.

Дождь резко прекратился, тучи расступились, обнажив зарёванное небо. Гарик развернулся и вошёл в подъезд казармы, возле которого под козырьком стоял старшина срочной службы Радвила и мой недавний однокурсник – младший сержант Белых.

– Ну, Куделин! – Радвила в первый раз не улыбался, гримаса на его лице давала понять, что и он не равнодушная литовская сволочь. – Держи себя достойно. Чигвинцеву привет, он, кстати, твой земляк. Держись его, он мужик конкретный. Вроде тебя, хотя нет – разумней, да, а так – хлюповат!

Он не стал раскрывать объятий, а просто притянул меня за руку, слегка прижал к себе и похлопал по спине, с его ростом это было просто. Я сделал шаг в сторону по направлению к Олегу, с которым мы попрощались более сухо.

– Помнишь первую команду «К бою!»? – Я протянул ему

казанием считалось попасть туда. Её не то что не желали – попасть в неё откровенно боялись. Кстати, как раз туда и отрядили Мартышкина... К тому же, за некие неуставные провинности за месяц до нашего исхода из части в неё определили Ипполитова и Курашина, лишив их при этом званий младших сержантов.

руку.

– Почти забыл. – Он постарался улыбнуться, но заданный мной вопрос привёл его в замешательство.

– Вспомни, Олег, и не забывай. – Я подтянул второй рукой его недотянутую руку и крепко сжал её в своих ладонях.

Чалый примчался от штаба батальона, чтоб поторопить меня с прощанием. Я поправил ляжку моего РД², развернулся и, пиная промокшие полы шинели, двинулся в сторону штаба, где нас ожидал дежурный по части.

– Саша, – не смело окрикнул, появившийся из-за спины Радвилы Витька Нерух. – Запиши адресочек, чтобы можно было списаться. – маленькая записная книжка далеко за середину была заложена шариковой ручкой. – Ну, не знаю, может домашний адрес?!

Я оглянулся на удаляющуюся спину Чалова, быстро хватанул этот блокнот и не задумываясь черкнул: «До встречи в войсках!».

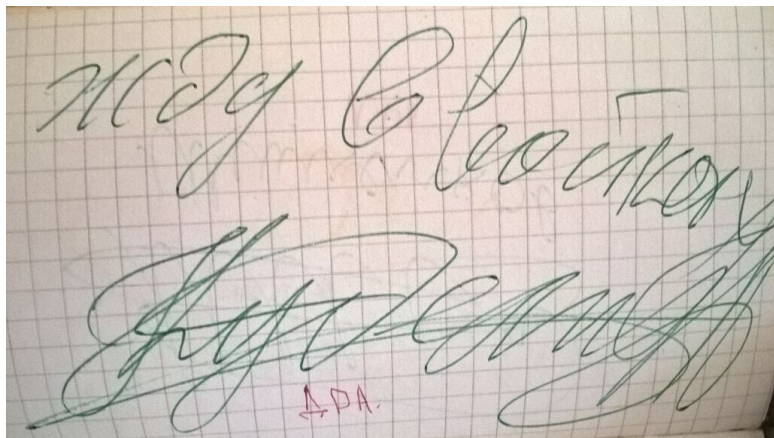
– Вить, мы же связисты – найдёмся всегда...

Чтобы проводить нас достойно и с почестями, Каунас задвинул облака в пригород и пригрел солнышком.

– Какое же всё-таки глубокое здесь небо, – в очередной раз подумал я, сидя возле заднего борта военного ГАЗ 66, который почти полгода назад привёз меня в эту часть...

² РД – рюкзак десантника – весьма удачный заплечный органайзер для личных вещей, дополнительного снаряжения и вооружения.

Почти двадцать восемь лет этот листок из записной книжки Виктора Неруха ждал своей публикации!

Почти двадцать восемь лет этот листок из записной книжки Виктора Неруха ждал своей публикации!

Взлёт – посадка

Садящийся военно-транспортный самолёт, вырвавшись из облаков, настолько стремительно набегает на взлётную полосу, что стоящего возле неё десантника захлёстывают восторг и страх одновременно. Недавняя точка в небе вмиг превращается в большую, расправившую крылья курицу с наетыми бёдрами, которая, увеличиваясь в размерах, перерастает в огромный Ил-76. Три самолёта приняли на борт огромное количество шрапнельной массы, которая должна была восполнить и заменить изнывающих от ожидания дома Дембелей.

Наша порция крови предназначалась для переливания состава 103 Парашютно-десантной дивизии и 345 отдельного полка ВДВ. Огромное море голубых беретов, не способных сформировать общий строй из-за отсутствия привычных ориентиров знакомых подразделений, оказалось на самом деле лишь каплей для сороковой армии, размещённой в пределах “дружественного” Афганистана.

Не могу описать чувства этого мига отправки в неведомую страну. Скажу так, мы в лицах постарели. Нет, не повзрослели, а именно постарели. Внутренний страх перед неопределённостью будущего был ещё не пережит нами, а время свершения данного события настолько скоротечно, что письма ещё не написаны, а сущность нового бытия не познана.

Немногочисленные офицеры, сопровождавшие нашу команду, без особых усилий расставили всех по потокам, которые быстро влились во внутренности крылатых машин.

Мы совершали прыжки из этих пузатых тварей, но никто не думал, что их объёмное нутро может быть так перестроено. Замысловатая инженерная конструкция превратила вместительную палубу самолёта в этажерку, в которой разместились человек четыреста. Неудобство составляли лишь наборы сухая, наши носильные вещи и РД с полным комплектом выданного ранее обмундирования, но конструкция имела некие пустоты, куда и были втиснуты и запрессованы все эти вещи.

Медленно закрывающаяся рампа, как заноза в пальце, резала сердце, три её щёлки смыкались медленно, но неумолимо. Все! все без исключения смотрели в сторону этих тающих просветов – там за ними ещё твёрдо стояла Родина, которая обязалась никогда не забыть нас, а мы сейчас по неровному небу улетим вдаль к земле, которую победили только раз за все века в известную человечеству историю.

... Хан без ханства, воин без войска, наследник великого рода, потерявший всё своё племя, создал эту страну. Хан Бабур – Тигр, сумевший создать своё государство там, где даже козы умирали от голода. Территория созданного им государства – это своего рода горная пустыня, через которую можно пройти караваном, но жить в ней не имеет смысла, так как усилия для выживания больше стоимости

самой жизни. Последние неприкаянные, вернее, непокорённые племена, вытесненные державными властителями тогдашнего мира, объединились под твёрдым характером Бабур, чтобы создать ещё не существовавшую страну и занять последнее место на разноцветной карте народов...

Три часа шумного гомона под надрывные всплески забортных двигателей, стремительный взлёт и короткая посадка, высадка через раскрытую рампу в прохладную прелюдию заката – это лишь часть пути, который должен был закончиться Кабулом.

– Так, собрать все свои вещи, сухпайки и выйти из самолёта, – прозвучала команда через громкую связь грузового салона, – старшим групп принять командование на себя и разместить личный состав для ночёвки.

Все оглянулись. Обезличенная команда прозвучала для нас впервые – на палубе самолёта были только вчерашние курсанты, а сопровождавшие нас офицеры находились за закрытой дверью отсека пилотов. Апеллировать было не к кому – собрав сухпай и вещи, все родственными кучками вышли из самолёта через рампу.

Предзакатное марево говорило, что уже наступает вечер, но, выйдя в надвигающиеся сумерки, мы вмиг получили ночь. Пушистые облака растворились вместе с остатками быстро погасшего света. Только луна и звёзды, три замерших транспортных самолёта, не подающих признаков жизни даже светом в иллюминаторах, и мы – стая серых мышей, по-

терявших своего предводителя и заблудившихся на пути к своей цели.

Поначалу отсутствие освещения полностью дезориентировало, но прохлада, сгустившаяся в холод, быстро очистила небо до прозрачности. Луна и звёзды стали настолько яркими, что мы могли различать время на наших немногочисленных часах. Что время – кажись, цвет погон был различим, хотя мы все были там одного цвета.

Разбившись на стайки, все разбрелись в поисках мест, чтоб устроить хоть какой-то ночлег. Ночь, пережитая на этом зажатом между горами аэродроме, наверно, единственное совместное воспоминание, которое не разбила мозаика последующих событий. Примерно полторы тысячи обученных убивать парней оставили на ночь в полупустыне. Их привыкшие к минимальному комфорту или хотя бы к маломальской подготовке к ночлегу тела погрузились в жестокое оцепенение горной ночи. Её пережили все, но не забыл никто. И только быстрый рассвет вытер уныние того холодного отчаяния.

Тот обжигающий своей яркостью рассвет для кого-то из нас был последним на Родине. И пусть эту землю трудно назвать своим домом, но всё равно это край нашей Державы, которая послала нас биться за её целостность, невзирая на место событий на этом земном шаре. И нет пафоса в мыслях, а есть только страх расставания с Родиной, прошитый неизвестностью собственной судьбы. Да и не страх, а скорее

саднящий испуг, который искривляет улыбки и морщит лбы.

Вот площадка, зажатая меж гор, вон направление, куда нам следует лететь – там сплошные заснеженные вершины, за которые цепляются облака, оставляя белоснежные следы. Это не наши горы, это не наши облака, только сейчас их освещает наше солнце – моё солнце не может нам не светить!

Как же у них? Так ли оно светит? И что там вообще!

Невыспавшиеся отрядики партизан стали сгруппировываться возле своих вполне узнаваемых центров. Как правило, это были кучи сброшенных РД и коробок с сухим пайком. Каждый отряд позиционировался по принадлежности к бывшему подразделению. Всё самое едмое было схавано ночью, и только отсутствие воды не позволило доестъ галеты и сухари.

Рассвет наступил моментально – привычных сумерек почти не было. Солнце, поднявшись из-за вершины небольшой горы, принялось нещадно нагревать наши шинели. А сбросить их сразу было невозможно, так как земля неохотно принимала тепло небесного светила. Сверху жарит, снизу сквозит. Тягучие слюни требуют воды, чтобы расчистить привычные к утреннему моциону рты.

Счастье было так минимально – всего то и нужна была струйка воды, чтобы умыться и сделать пару тройку глотков.

Постояв возле своих, я вновь удалился в сторону покинутого мной одинокого домика, рядом с которым появилось какое-то движение.

«Если есть дом, значит должна быть и вода». – Не думаю, что моя мысль была первой среди мыслей подготовленных к смерти мужиков.

Да, именно мужиков! А как иначе можно назвать вчерашних пацанов, которых полгода учили убивать, выживать и пережидать? Мы все до единого отвергли наши дворовые привычки, посмеялись над прошлыми понятиями и перестали верить в дружбу, так как сержанты, умело манипулируя нашими потребностями, не позволяли нам этой обывательской роскоши. Взаимовыручка, граничащая с взаимовыгодой, стала основным суррогатом долговременных связей – привязанность людям, которых учат убивать, не нужна и даже очень опасна!

На маленьком дворике, который визуальнo был огорожен линиями уложенных на земле разнокалиберных камней, действительно оказался торчащий из земли кран. Барашек³ отсутствовал. Запорный механизм заканчивался одиноким штырём, который надёжно хранил так нужную всем воду. За недолгое время этот штырёк стал отполированным. Чем его только ни пробовали открутить, но привычных армейских приспособ (автомата и штык ножа) ни у кого не было. Пряжа солдатского ремня не годилась, так как её запорный язычок весьма слаб на нажим и пригоден разве что для открывания пивных бутылок.

³ Барашек – железная съёмная, круглая рукоятка, надеваемая на приводной валик запорного водопроводного крана (простонародное).

Полгода дисциплины прошло каждого некоей бережливостью, которая до армии в нас даже и не зарождалась. Все, возжелавшие воды, были аккуратны в её добыче. Поняв, что по-доброму кран не сдастся, я потянул последнего добытчика влаги за погон, а когда он с возмущением выпрямился, ударил кран каблуком сапога. Кран стойко выдержал удар, но труба, на которой он возвышался, чуть отпрянула от меня и тут же получила удар от другого соратника из бывшей дивизии. Озверело пиная и раскачивая трубу из стороны в сторону, мы наконец добились своего. Маленькая струйка, как бы оправдываясь за непокорный кран, стала ржаво освежать основание трубы. Погоняв трубу ещё некоторое время и поняв, что напор невелик, мы принялись ждать, когда вода смоет ржавый осадок трубных внутренностей и начнёт отдавать истинное своё безвкусие.

Ждать пришлось долго – цвет посветлел, но безвкусия мы так и не получили. Вода была тягуче противная, с привкусом медного купороса. Сполоснув лицо и шею, не решившись сполна испить её, я вновь удалился к своим, чтобы принести им благую весть о наличии источника.

Весть о появлении воды облетела аэродром моментально, и разрозненные толпы приняли осмысленно направленное движение. Но возле цели почти каждого ожидало разочарование – отсутствие какой-либо маломальской посуды не позволяло вскипятить воду, чтобы принять её вовнутрь. Полгода всеобщей стерилизации внутренне сковывали по-

рыв жажды – «Не суй в рот чего ни попадя!». Кроме того, мы знали о наличии пантоцида, который шёл в каждой индивидуальной аптечке, но их нам никто не выдал, так как такая надобность при перелёте не подразумевалась. Конечно, нашлись и смелые, которые, отважно поглотив воду, нагло всем улыбались, но на них смотрели как на смертников. Их успокаивало то, что вода была не из ручья или лужи, а из трубы. Но её тягучесть и цвет уже через короткое время наградил «отважных» размягчением организма, называемым в простонародье поносом, а в армии – дристунией.

Оторвавшись от всевидящего ока наших младших командиров, смельчаки потеряли бдительность и проявили себя уже через полчаса. Та часть аэродрома, на которой припарковались наши три Ил 76, была полностью пустынна, некие жидкие строения и небольшая стайка охраняемых военных самолётов типа Миг 25 стояли на противоположном его крае. Пешим ходом идти туда было явно далеко. И если жидкая физиология организмов была изливаема нами на любую поверхность, не покрытую аэродромным бетоном, то с твёрдыми отходами было сложнее. Отсутствие дивизионной газеты, которая была больше востребована в туалете, чем в Ленинской комнате, восполнялось кусками подшивы.

С момента холодного беспокойства ночи до ощутимого подъёма солнца вся равнина была помечена белыми лоскутками, определявшими места минных заграждений. И вот, когда все или почти все вытеснили из себя остатки вчераш-

него солдатско-столового обеда, те немногие смельчаки стали назойливо отбегать от пределов взлётно-рулёжных полос. Это были наши первые вестники перемен, которые в скором времени перевернут не только наши судьбы, но и тела. Вода! – это самое страшное зло, так как со знакомства с водой востока и начинается изменение отношения ко всему находящемуся вокруг...

Кроме этих беспрестанно отбегавших смельчаков, все находились в оцепенении, вызванном странной беспризорностью, которой не может быть у десантников. Как устроившееся на отдых стадо коров, мы смотрели в одну сторону – три замёрзшие птицы, прогнув от усталости свои крылья, стояли, не проявляя никаких признаков жизни. От их тел струился пар, источавший последний холод ночного небытия, в их обширных желудках находились те, кто так бесцеремонно высадил нас вчера на это безжизненное плато. Как коротали время запершиеся внутри самолётов лётчики и сопровождавшие нас офицеры, я не знаю, но ещё долгих пять часов самопожирания мы провели в бесцельной маяте ожидания дальнейшего перелёта.

– Это их дрифт прошил, – сказал мне тот солдат, которого я оторвал от бестолкового открытия крана.

– В смысле? – Мне нужен был собеседник, но этот аэродром и знание цели нашего последующего прибытия совершенно не располагали к мимолётному общению.

– Смена воды приводит к неизменному дристу. – Десант-

ник был моего роста, с открытым лицом сибиряка. – Меня Андрей зовут.

– Саня. – Я протянул руку, чтобы ухватиться за это пусть маломальское, но всё же нужное для коротания времени общение. – Я из батальона связи.

– А я из разведки. – Его речь ничуть не была пропита гордостью за приобретённую им профессию, которой завидовал каждый из нас.

– Да?! Здорово! – Мой собеседник стал мне вдвойне интересен...

Оторвавшись от своих групп, мы прошлялись с ним по периметру аэродрома все оставшиеся часы ожидания до посадки в самолёты.

Ничего знаменательного, кроме измученных дристунов, уже не происходило. Желание пить было убито совместным разговором, но открывшиеся боковые двери разных самолётов, казалось, разлучают нас навсегда.

– Ну, Саня, давай. – Его лицо выражало явную озабоченность, которую я не разделял. – Там будет трудно, но, если что, меня найдёшь.

– Ну и ты меня не забывай.

По одному, чтобы всех пересчитать, нам приказали подняться на борт своих самолётов. На последней ступеньке каждый делал поворот головы в сторону оставляемой Державы, чтобы запомнить, может навсегда, её малоприветливую часть.

Рёв турбин, молчаливое сопение уснувших в тепле тел и посадка, которая сквозь сон была не ощутима – вот и весь процесс нашего перелёта из прошлого в настоящее, то настоящее, из которого выросло наше сегодняшнее прошлое.

Да, солнце осталось в пределах нашей страны.

Небо, ворвавшееся через открытую рампу, отливало свинцовым безразличием. Краски встречавшей нас местности были тусклыми, почти серыми. Свет, пробившийся из небесной вуали, совершенно не определял времени суток.

Усталость бессонной ночи, умеренное тепло самолёта и воздух, разреженный дыханием четырёхсот человек, сморили сном, который каждого вывел из строя – голова была тяжела, а отсутствие всякой мысли восполнялось свинцом спёртого воздуха.

Строй, который стал организовываться прямо на рулёмной полосе, был непохож на ежедневное торжество утреннего построения в учебном батальоне. У всех без исключения появилась ленца, а походка обрела шаркающую нотку побывавшего в переделках понтонёра⁴. Каждый спустившийся на эту землю мысленно подписывал с собой договор о вероятном досрочном возвращении в пределы населённого пункта, пожертвовавшего его телом ради целостности Страны, Идеи и Общества, взрастившего его.

– Равняйся! Смирно! – Майор, стоявший по фронту на-

⁴ Понтонёр; бросать понты – выказывать себя не в истинном свете – возвеличивать. (жаргонное выражение).

шей самолётной команды, был в обычной полевой форме, которую мы не часто, но видели на своих офицерах. – Кру-у-гом!

Строй привычно выполнил команду и застыл, чтобы увидеть причину смены фронта. Ничего необычного: в отдалении, за взлётной полосой загружались два самолёта светло серого цвета, один из которых был с бортовым номером **110**.

– Смотрите, солдаты, – голос майора звучал настолько громко, что казалось, будто он кричит прямо в ухо, – отсюда у вас есть три пути.

Мы напряглись, так как информация о перспективах нам была ближе всего – ближе даже той свинцовой тяжести, которая всё ещё сдавливала виски.

– Первый и более желанный для ваших матерей – это возвращение на такой же ласточке, которая вас сюда принесла!

Свинец дрогнул и переплавился в мысль о желанном возвращении домой – к маме!

– Второй, менее привлекательный, но более приемлемый, чем третий – это возвращение вон тем госпитальным самолётом Ан-18 за номером **025**!

Борт **025** тронулся с площадки загрузки и стал выруливать в сторону взлётной полосы. Звук его моторов относил ветер и потому, наблюдая за его выворотами, мы слышали третий вариант, предложенный оракулом в виде штабного чина сто третьей воздушно-десантной дивизии ВДВ, дислоцированной в Афганистане.

– Третий вариант, – его слог стал размеренным, если не сказать замедленным, – третий вариант, я надеюсь, из вас...

Он делал тяжёлые паузы, а мы в этих промежутках полностью очищали свои мозги.

– Никто... – голос его стал набирать мощь репродуктора, так как разгонявшийся по взлётке самолёт стал оттягивать все звуки на себя, – не приемлет!!!

Сердце стало бешено биться, напоминая, что оно также участвует в обсуждении предложенного выбора.

– Поэтому я желаю, чтобы вы, впрочем, как и я, никогда не познакомились с «Черным тюльпаном», в который, как вы видите, сейчас загружают гробы.

Каждый принял это откровение по-своему. Лично у меня проявилась нервная встряска основания черепа, которая хоть и была незаметна для окружающих, но для меня с того момента стала ощутимой навсегда.

Пауза, последовавшая за этим откровением, была обусловлена отрывом борта 025, который, пробегая мимо нас, издал такой надрыв звуков, что перекричать его было невозможно.

– Кругом! – Команда прозвучала, когда взлетевший самолёт, забрав с собой вой моторов, рванул вверх, чтобы пулей исчезнуть в серости кабульского неба.

Команду выполняли уже не по-армейски, а как говорится: «Как Бог поссал». Майор этого словно и не заметил, так как привычного десятикратного повторения не последовало.

– Сейчас, сынки, в этот борт загружают три гроба ваших несостоявшихся товарищей. Они все без исключения прилетят в почёт и уважение. Не каждый из них заслуживает то, что ему воздастся, но помните, что ни одна награда не высушит слёз матери, потерявшей сына.

Пауз уже не было, была речь, откровенная, короткая, но вполне значимая.

– Обыденность обстановки, которая вас будет окружать, обманчива, а опасность для каждого реальна. И если вы правильно выберете свой путь, то почёт возможен и при наличии жизни, которую было бы неплохо подкрепить отменным здоровьем.

Он закончил свой монолог, но команды «вольно» не дал, и мы, в нарушение уставного порядка, принялись подглядывать за бортом **010**, который, приняв ящики, стал закрывать свою ненасытную пасть. Его рампа в отличие от Ил-76 закрывалась быстрее, что наталкивало на мысль о стыдливости выполняемой им работы. Потом он завёл свои винтокрылые моторы и завыл в ожидании дальнейших указаний.

– Равняйся! Смирно! Равнение на! Право!

С правой стороны подъехала машина, и из неё вышел генерал – лощёный, сбитый и невысокий.

Майор рванул к нему, совершенно не утруждая себя выбиванием строевого шага. Отрапортовав, он сделал положенный шаг в сторону и развернулся по направлению к нам.

– Вольно, – прочитали мы команду по его губам.

Рёв «Чёрного тюльпана» усилился, и все слова и фразы, произносимые в пределах нашей стоянки, были бессмысленны.

– Направо! – Он уже жестом подал команду, и мы, выполнив её, зашагали в сторону далёкого одноэтажного городка, который примостился на окраине огромного аэродрома.

Впрочем, и городка то самого видно не было – был ряд строений, огороженный колючей проволокой, который не давал представления об истинных масштабах армейского стана.

Часть 1. Всё как честь

Вавилон от ВДВ

Николай Носов в своём стремлении описать будущее совершенно загубил «Незнайку в Солнечном городе». Нудность описания деталей переполнена скукой и тормозит процесс познания, но так уж устроен этот мир – передать образ, не вдаваясь в подробности, трудно, если вообще возможно. Вот и я вынужден сделать подобное отступление⁵, чтобы в дальнейшем обстоятельства книги вас не тяготили.

Лагерь легионов

Гордость римлян за яблоню⁶, которая осталась не обобранной после трёхдневного стояния лагерем, ничто по сравнению с условностями в дивизии ВДВ, и меня берут смутные сомнения – были ли яблоки на той яблоне спелыми? Если да,

⁵ Нудное отступление – мне было лестно, когда ряд товарищей, рецензируя рукопись, дали высокую оценку описанной мной окружающей обстановке. «Бля, словно заново там побывал!» – восхищался в переписке Шиханов.

⁶ Гордость римлян за яблоню – случай дисциплинарной ответственности в римском легионе. Трибун (командующий легионом) приказал расположиться лагерем вокруг одинокой яблони. Наследующий день, когда лагерь был снят, яблоня осталась нетронутой – с яблоками (из школьного курса истории).

то от массы перемещаемых тел легиона земля содрогается так, что не то что плоды – лист весной отлетает как в осень.

Полное название моей дивизии – 103-я гвардейская ордена Ленина Краснознамённая ордена Кутузова II степени воздушно десантная дивизия имени 60-летия образования СССР, в сокращении 103 ВДД.

Она своим сердцем формировала на окраине кабульского аэродрома Городок-14.

В дивизии находилось неопределённое для меня количество солдат, командного состава и гражданского персонала. Единовременно в неё входили следующие подразделения:

1. 350-й гвардейский Краснознамённый ордена Суворова III степени парашютно-десантный полк, в котором было два батальона (могу и ошибаться, так как в нём, вероятно, были и другие подразделения, но основными всё же были Первый и Второй батальоны) – сам же полк обзывался «полчок», а все его военнослужащие именовались «курками».

2. 1179-й гвардейский Артиллерийский полк.

3. 62-й Отдельный гвардейский танковый батальон.

4. 742-й Отдельный гвардейский батальон связи.

5. 130-й Отдельный гвардейский инженерно-сапёрный батальон.

6. 20-й гвардейский Отдельный ремонтный батальон.

7. 1388-й Отдельный батальон материального обеспечения.

8. 115-й гвардейский Отдельный медико-санитарный ба-

тальон.

9. 80-я гвардейская Отдельная разведывательная рота.

10. 317-й гвардейский ордена Александра Невского парашютно-десантный полк (располагался в центре Кабула и своим присутствием охранял резиденцию правительства Афганистана).

11. 357-й гвардейский ордена Суворова II степени парашютно-десантный полк. Располагался он почти на южной окраине Кабула, занимая крепость, которую мы называли Балтазар, что в переводе с пушту и есть опять-таки крепость, и один из дворцов с фонтанами, садом и бассейном, наполняемым из водопада. На этой же территории находилась и гарнизонная гауптвахта.

12. 105-й Отдельный зенитно-ракетный дивизион (находился за пределами городка и своим присутствием охранял северную стоянку Кабульского аэродрома).

13. Комендантская рота.

14. Гарнизонный морг (располагался в теле дивизии, но всё же с края – недалеко от восточного выезда из расположения дивизии).

• Кроме того, за колючей проволокой, рядом с телом нашей дивизии находилась знаменитая кабульская пересылка и армейские склады, а также почта и экспедиция, прятавшая все секреты в холщовых мешках за сургучными печатями.

В ноябре 1983 года почти вся дивизия всё ещё жила в палатках.

Счастливыми были только две роты отдельного батальона связи; первый батальон полтинника; медсанбат; рота обеспечения (комендантская рота – комендачи), прикреплённая к штабу дивизии; гражданские (иначе – вольнонаёмные) – все они располагались в новых зданиях модульного типа. Сейчас их называют щитовыми домами, но тогда это были модули.

В модуле располагался и штаб дивизии. Отдельным укромом в виде привета от Родины был магазинчик, который из-за применяемой в нём валюты называли «Чекушкой». Он стоял, как прокажённый, среди небольшого пустыря, словно будка ГАИ на веере дорог – вернее, все дороги заканчивались в нём, хотя были и проспекты. Главной достопримечательностью тогдашнего городка был клуб 350-го полка. Почему именно 350-го полка, не знаю, но в 1983 году он был единственным в дивизии, и относить его к определённому подразделению было глупо. Одновременно строились две столовые – отдельно для курков и для спецов.

Условности

- Курки – десантники, которые основной массой заполняют численный состав дивизии. Именно они участвуют в непосредственных боевых действиях, связанных с ведением боя посредством личного состава дивизии.
- Спецы – десантники, которые обладают особым выде-

ленным статусом: связисты; разведчики; ну и ОБМО (отдельный батальон материального обеспечения – смазливая конторка изнеженных тел).

- Сапёры – десантники, входящие в состав сапёрного батальона.

- Артиллеристы – десантники, входящие в состав артиллерийского полка.

- Ремонтники – десантники, входящие в состав ремонтного батальона.

- Траки – десантники, входящие в состав танкового батальона.

- Если вы помните высказывание старшины Маковецкого⁷: «... и запомните! Невзирая на все ваши специальности, вы в первую очередь десантники и только потом – спецы!», – то вам понятно, почему я слово «десантник» всегда ставлю вперёд.

В каждом из перечисленных наименований есть водители, связисты, танкисты, если требуется, то и сапёры, и артиллеристы, и, конечно, курки (а куда без их набитых мясом тел?!).

К слову, нами были не принимаемы десантники из многочисленных армейских ДШБ (десантно-штурмовых батальонов). Зачастую это была простая пехота, которая носила наши эмблемы. Они и сами это понимали и потому при встрече прятали свои глаза, хотя не спорю – многие из них видели

⁷ Старшина Маковецкий – персонаж из первой части книги Неуставняк-1.

больше смертей, чем мы. Но всё же неба они не топтали, и подготовка их была в основном условной.

Все остальные для нас были «мабутой» или «пяхотой»⁸ (за редким исключением обзываемой «краснотой»).

Выполнение приказов и чинопочитание были только для офицеров ВДВ, все остальные, невзирая на звания и чины, получали почести только с позволения командира. Если же в поле зрения командир или офицер ВДВ отсутствовал, то и уставного подчинения добиться можно было только через губу (гауптвахту), да и то – за это лишь журили, а не сажали.

Поэтому с нами никто не связывался и обходил стороной, а если в видимой перспективе рядом с десантником не было командира, то сторонние офицеры старались его вообще не замечать.

Господа офицеры

Старшие офицеры квартировались вместе со своими подразделениями. Нет, они не нюхали носки и портянки своих подчинённых – просто палатки и комнаты всегда располагались в шаговой доступности или в поле зрения подчинённых. Правда, командиры взводов всё же жили в расположении своего взвода, но это были единичные жертвы, которых мы и не замечали, так как основное свободное время те проводили в местах размещения других офицеров и прапорщи-

⁸ Мабута, пяхота... – понятия, данные в первой книге Неуставняка.

ков части.

Командир дивизии, его заместитель и начальник штаба жили, как Диоген – в бочках.

Три бочки, каждая размером с дом, стояли в небольшом отдалении от штаба дивизии с видом на спортгородок. Они были домами для экспедиций крайнего севера. Почему именно бочки, а не контейнеры – не знаю. Внутри – спальная комната, душ, туалет, небольшая прихожая и разделочный столик. Я был в бочке командира дивизии – скажем, жить можно, но лучше не привыкать.

Офицеры штаба дивизии и служб жили в комендантском модуле, который находился рядом со штабом дивизии. Отдельным входом в том модуле была его небольшая женская половина.

Модуль

– Щитовое здание, поставленное на бетонные столбики, опирающееся на железный каркас и изначально окрашенное в тёмно-голубой цвет. Стены, пол и потолок выполнены из двух листов многослойной фанеры с промежутком сантиметров в восемь, который заполнен пенопластом. Данное сооружение вводится в эксплуатацию в течение двух месяцев. Само здание сооружается за считанные дни, но оно требует и материально эстетического наполнения. Отопление наших модулей было паровым, от дивизионной котельной.

Расположенные в них комнаты в основном назывались кубриками, так как железные стойки и лаги явно вычерчивали кубы со стороной в три метра: кубрик взвода – четыре куба, два окна; оружейка – два куба без окна; Ленинские комнаты, бытовые помещения и т. п. разгораживались по необходимости, но всегда с минимальным запасом, так как бережливость социализма барства не предусматривала. Правда, были случаи, когда и этот куб разгораживали на части, но тогда он назывался либо предбанником (прихожей) или уже кандейкой⁹ (закутком), которые в свою очередь могли поделить занавесками. Почти в каждый внешний куб было вставлено двухстворчатое окно из неравных по размеру рам.

В солдатских кубриках кровати ставились в два яруса, в офицерских – в один, а командиры взводов жили вместе с подчинёнными. Жили! – это громко сказано, скорее всего ночевали, так как их присутствие было минимальным, как и то жизненное пространство, что выделяла им Родина за возможность защищать её, но они не роптали и лишь своим отсутствием выражали неприятие солдатской мужской общаги – что солдатам было и надо!!!

⁹ Кандейка – закуток, используемый в качестве закрытого клуба. Основная цель – по возможности не беспокоить отдыхающих перед заступлением в наряд или тех, кто просто отошёл ко сну.

Палатки

Огромные и не очень шатры и домики – выгоревшие тёмно-серые колпачки, которые в своих утробах скрывали тайны быта прежней десантной дивизии.

Чтобы растяжки не мешали и не ослабевали, все они были натянуты на каркасы, сделанные из досок артиллерийских снарядных ящиков. Обычно пол палатки был углублён в землю на метр, что позволяло ставить в ней двухъярусные кровати и экономить тепло от обогревавшей её солярной печи.

Бывало ночью, палатки из-за заснувшего дневального вспыхивали, и тогда загоревшийся каркас душил всех угарным газом, накрывая верхний ярус кроватей раскалённым прорезиненным брезентом, как саваном.

Мне счастливо не посчастливилось в них жить, но часть батальона по нашему прибытию всё ещё прозябала в них.

На осень 1983 года лишь процентов десять личного состава дивизии проживали в модулях разного цвета и типа.

Не знаю, как было в полевом лагере римского легиона, но при всей серости обстановки наши палаточные городки были геометрически правильной формы и образцового содержания!

Ещё

Помимо всего перечисленного, в городке было: два огромных плаца (артполка и полтинника) и плацы для отдельных батальонов; большое футбольное поле с небольшим рядом трибун и малое, к которому прилежала волейбольная площадка; масса всевозможных спортивных городков. Самым удивительным местом была площадка для тренировки прыжков и швартовки спускаемой техники. Её надобность была совершенно иллюзорной, так как ПДС¹⁰ в дивизии за ненадобностью отсутствовала.

Рембат имел свой обособленный автопарк, в котором в двух ангарах находилась ремонтная зона. Его умельцы могли реанимировать любую технику, которая была доставлена под сень их мастерской.

Каждая часть имела свой автопарк, находящийся в общей зоне автопарков, но он был огорожен и охраняем индивидуально.

Почти каждый батальон имел свою заимку в виде бани, при которой была комнатка для гульбария офицерского состава¹¹.

¹⁰ ПДС – парашютно-десантная служба.

¹¹ Офицерского состава – нет надобности каждый раз уточнять. В армии есть и нет разделение на офицеров и прапорщиков. В зависимости от контекста событий, они бывают едины или разделены. В данном случае я говорю о полном составе офицеров и прапорщиков подразделения.

В автопарках, как правило, находились склады частей, что обеспечивало охраной их и весь автопарк одновременно.

Продовольственные склады подразделений были выполнены в виде подземных хранилищ с выходом наружу через обширные ворота и сделанную в них дверь. Эти склады прикреплялись к столовым, которые обслуживало не одно подразделение и не всегда в одну смену. На каждом таком складе имелись свои холодильники, овощехранилища и места складирования продуктов, консервов, сахара и сигарет.

Столовые образца осени 1983 года были разделены на блок приготовления пищи, сервировочную (именуемую раздачей или раздаткой) и место для мытья кухонной утвари. Блоки приготовления пищи (пищевлок), выполненные из кирпича, были крайне ужаты в размерах. Для приготовления пищи использовали армейские передвижные прицепные кухни. В нашей, прямо внутри помещения, стояли два прицепа, каждый на три котла, которые топились соляжкой.

Местом для столования были большие палатки, причём офицеры питались от общего котла, но отдельно и при наличии неизысканной фарфоровой посуды.

Каждый солдат имел свой котелок, подкотельник, фляжку и ложку. Всё это мылось в отдельном месте, которое называлось поларисом.

Поларис – объёмная бочка, наполняемая водой. Сквозь её дно продета и обварена труба, в которой залитая соляжка, медленно сгорая, отдаёт тепло трубе, нагревая при этом во-

ду. Там же, возле полариса, находится ёмкость с кипячёной водой, в которой нам заваривали верблюжью колючку, чтобы заполнять ею фляжки. Вкус этого чая необычен, но к нему быстро привыкаешь, а если в него добавить сахарку, то вообще может сойти за компот. Кроме того, заваренная верблюжья колючка септирует воду и конкретно утоляет жажду с первого глотка.

Всё остальное

Всё остальное будет описано мелкими мазками, не вдаваясь в лишние подробности.

Главное, вы должны понять, что, даже находясь на общей территории, каждое подразделение имеет своё жизненное пространство, которое никогда не смешивается с пространством рядом стоящих частей. Невидимые границы подразделений не пересекаются, а дневальные, которые стоят на улице, чётко следят, чтобы в пределы части не заходил ни один посторонний военный без объявления цели своего прибытия.

Ха!!!

Умывальники, общие, с холодной водой, расположены в крытых помещениях без дверей, с проёмами для света, без окон.

Туалеты – типа сортир. Каждый – минимум на тридцать очкомест. Вниз лучше не глядеть и, главное, не дышать!!!
Описать его сил не хватит – лучше прочитайте мой одноименный рассказ, который полон аллегорий, но полностью отображает сущность армейского отхожего места в полевых условиях!!!

Да и...

Да, и выключите краски – их нет. Они остались на Родине, в которую превратилась вся наша Держава. Все те места, в которых я не бывал, все полупустыни и горные кручи, кромка северного океана и покрытый сопками Дальний восток, возмущённая Прибалтика и мятежный Кавказ – все они в миг касания земли колёсными парами принёсшего нас самолёта, превратились в Родину, которую я обязался защищать, зачитывая слова присяги и ставя подпись в переданном в архив Советской армии листе.

Всё то, что началось с этого безумно долгого дня, не может иметь красок, но и без оттенков не обойтись, так как их заменили нам чувства – масса чувств и их всевозможные оттенки, индивидуально применимые к каждой ситуации, в которой мы побывали, каждый в отдельности и вместе все.

Мы

– это горстка молодых парней, которым счастливо не посчастливилось оказаться в одной части и даже в одной роте. Мы – это те, которым завидуют до сих пор, не зная, что никто из нас оттуда так и не вернулся. Наши души, разделённые на «до», «там» и «после», смогут соединиться только в момент физической кончины. А совесть каждого – достоинство личное и обсуждению не подлежит!

Теперь, когда вы выключили краски, настроили свои чувства и полностью очистили свои мысли – начну.

Земляки

В колонну по четыре мы проследовали с аэродрома на плац полчка. Дорога, идущая от края аэродрома через КПП вовнутрь огороженного колючей проволокой городка, была умята гранитным боем, который, смешавшись с природной почвой, образовал настолько твёрдое покрытие, что его не разрушила перемещаемая на войну и обратно боевая техника. Все дорожки отходили от неё под прямым углом и делили городок на неравные прямоугольники. Пройдя метров сто от КПП, мы свернули на настоящий проспект, который, к нашему удивлению, был заасфальтирован. Выглядело это как-то нелепо – кругом палатки, маслянисто серая почва, на которую, если ступишь, поскользнёшься, и тут вдруг – свежий, ещё чёрный асфальт.

Этот проспект не разделял дивизию напополам, а соединял два плаца и аллею, ведущую от него к штабу дивизии. Первым был плац артполка, затем, по левую руку – клуб и за ним – плац полтинника. Сей плац был всем плацам плац – его размер был вполне сопоставим с Красной площадью, а белоснежная разметка позволяла проводить парады.

По мере движения, вернее, следования нас встретила толпа наших будущих сослуживцев. Они подбегали и старательно привлекали к себе внимание.

– Мужики! Кто есть с Алтая? – выкрикивал один.

– Я с Алтая, – летел ответ из глубины нашего строя.

– Откуда?

Их скоротечный разговор перекрывался нарастающим гомоном всех.

– Кто из Воронежа?

– Я!

– Откуда?..

– ...

Гомон был таким, словно мы только что спрыгнули с прибывшего из побеждённой Германии поезда.

– С Уралмаша кто есть?! – Зачем вдаваться в детализировку, если мой район знает весь белый свет?!

– Я с Уралмаша! – Я был единственным в нашей колонне, но меня нашли уже пять моих земляков.

«Неплохо, – подумал я, – можно жить!».

Земляки всегда внушают доверие, и от них с надеждой ждёшь поддержки, которая так нужна, когда прибываешь в неизвестность, тем более, если, кроме незнакомых лиц, над горизонтом событий довлеют облезлые горы!

– Просись в арtpолк в первую батарею, – крикнул мне один из них.

– Пишись в триста пятидесятый! Во второй батальон, – советовал следующий...

«Значит, будет выбор!» – Такая перспектива вполне устраивала, так как моё нежелание попасть сюда вообще было подтверждено увиденной обстановкой и бытом, от кото-

рых бросало в дрожь.

А чтобы обстановку не назвать удручающей, надо взяться за кисти и начать всё раскрашивать, хотя красить то нечего – всё по кругу серо и уныло, зябко и грязно скользко, за исключением ярко голубого параллелепипеда новенького клуба, который без всяких изысков построили к нашему приезду!

Небо, замкнувшее солнце; голые горы, обступившие небольшую равнину; потрескавшаяся почва цвета штукатурного раствора; жидкие натоптыши¹² политого водой цемента; солдаты в бушлатах не первого дня носки; палатки, напоминавшие своим видом перезрелые грибы дождевики, которые уже почернели и готовы разорваться, чтобы распылить свои вездесущие споры – что из этого можно было раскрасить, что? Может лица встречающих? Но лиц то и не было – была тревога испуганных детей, которых ввели в дивизию, не дав перед смертью отдышаться; самодовольство встречающих их мужиков с лихо посаженными на голову шапками; безразличие офицеров и крики земляков. Все они ждут меня, чтобы продолжить своё самоутверждение, доказывая се-

¹² Натоптыш – когда идёшь по обильно политой афганской земле, то на подошву в срез каблука начинает вдавливаться верхний слой почвы – это неудобно, но с этим приходится смириться. Выдавленная из-под каблука грязь спрессована и сродни пластилину, который обволакивает весь рант сапога или ботинка. Каждые десять метров приходится пинком в воздух освобождаться от этой массы, которая, отлетев по воле инерции, остаётся на местности вполне узнаваемым куском – натоптышем.

бе, что они бывалые, а мы для них сосунки, которых ещё следует научить хитростям жизни, верней, выживания...

– Поднять руки, кто из вас имеет музыкальное образование? – Капитан, задавший вопрос, был тучен, если не сказать жирен.

... Вообще, до этого момента жирных в ВДВ я не видел ни разу. Разве что генерал майор Яцынюк, бывший тогда начальником связи ВДВ, которому я рапортовал, будучи дежурным по роте, но это было в Каунасе. Да и в Яцынюке то меня больше занимали его золотые пуговицы с гербом Советского Союза!

– Ну как? – Парни из роты обступили плотным кольцом и с завистью смотрели на меня.

– Бля, мужики, у него пуговицы золотые!!! – Я был в полном восторге от этого его атрибута власти.

– Да ну тебя, сам то он как? – Кто-то из всей толпы домогался сути.

– Да ну. Как? – Я стал вспоминать обстоятельства его нахождения в расположении нашей роты.

На выпуск курсантов штаб ВДВ вместе с командующим переместился в пределы нашей учебной дивизии. Вот и начальник связи ВДВ оказался в нашем батальоне. Встречу его готовили дня три. Отход подход к начальнику меня так замуштровали, что я мог бы делать это даже в состоянии глубокой комы. Но именно его золотые пуговицы вывели меня из состояния запрограммированного механизма.

– Ну, что замер, сынок? – Он уже принял от меня доклад и ждал, чтобы я сделал шаг в сторону.

– Извините, товарищ генерал майор, – и, не найдя, что сказать, я так и выпалил: – пуговицы у вас – обалдеть!

– Рота у вас, блядь! Обалдеть! – Он возмущённо посмотрел на ротного и, обогнув меня, прошёл в расположение.

Далее был отборный мат, который в таком изобилии я слышал впервые. Он на этом языке проговорил минут пять, совершенно не стесняясь присутствия младшего по званию. Командир части и мой ротный были убиты наповал, повешены, расстреляны, изжарены, растворены в кислоте, четвертованы и неоднократно изнасилованы в извращённой форме. И причиной были отнюдь не пуговицы, которые меня поразили, а некие деяния, в которые я не был посвящён. Даже для связки между матерными словами не было вставлено ни одного литературного словечка и междометия. Скажу так – он был виртуоз по мату. Поэтому донести суть до своих сослуживцев я не смог – не получилось бы, но вот пуговицы я преподнёс...

– Ты чё, Саня, – Димка Смирнов стоял рядом и тянул меня за рукав, – ты же связист! Всё равно не возьмут!

– А я попробую! – Мне нравилось это маленькое подразделение, которое стояло посредине плаца и насчитывало не более пятнадцати человек.

На мою поднятую руку капитан обратил внимание сразу, так как она была одна.

– Это всё?! – Он отошёл на середину плаца и прокричал в своё осипшее горло: – Если из личных дел про кого узнаю! всё равно возьму к себе, но тогда уже поблажек не будет.

Над строем приподнялось ещё несколько рук.

– Выйти из строя, – он сказал это почти одними губами, так как на последней фразе монолога его голос окончательно засипел.

Когда мы вышли из строя, к капитану присоединился майор, у которого, как и у первого, на петлице красовалась лира, подтверждавшая принадлежность к музыке.

Нас отвели на край плаца, где майор устроил допрос, а капитан, записав наши данные, ушёл в клуб.

После беседы со мной майор остался очень довольным, ему импонировало, что я имел законченное музыкальное образование по классу баяна и то, что у меня были навыки игры на трубе. И то, и другое я успел приобрести, когда моё время из-за тренировок по боксу стало более организовано, и в нём появились не занятые дыры.

– Товарищ майор, только меня вам вряд ли отдадут, я связист, засовец!

– А ты, боец, не ссы! Нам отдадут всякого, на кого покажем! – Его самодовольное утверждение меня порадовало.

Нет, не думайте, что я хотел отхилить от службы. Наряды – они всегда были и есть; старший и младший призывы – это противостояние есть и его не вытереть; но при виде этого небольшого подразделения мои жизненные принципы и ин-

стинкты могли бы сработать лучше в этом большом и непонятном мне на тот момент городке. Конечно, всего я тогда не продумал, но меня словно кто за руку потянул, и я подчинился.

Плац медленно очищался. Понемногу, мелкими кучками моих бывших сослуживцев по учебной дивизии разводили в дальние уголки городка. И всё равно к остаткам на плаце всё подходили и подходили жаждущие найти земляков. За всё время я насчитал только пятерых Свердловчан, которые настойчиво выспрашивали своих. Вдруг возле меня оказался здоровенный детина. Он был не худой и не жирный, не высокий и не короткий – здоровенный со всех сторон и с лицом, знакомым, как детство.

– Чё, ты ли! с Уралмаша?

– А чё ли, я! – Уральское наречие различимо на раз.

– В какой школе учился¹³? – Манеры и вид этого воина отливали неким пренебрежением, которое очень и очень импонировало мне.

– В восемьдесят первой! А ты? – Не было ни страха, ни упрёка – передо мной стоял равный мне, пусть и выше на голову, но равный во всех отношениях земляк, если не брат!

– В двадцать седьмой!

– Ха, да она у меня под окном! А ты где живёшь? – Я уже

¹³ В какой школе учился? – вопрос не праздный. Так в больших городах определяют твоё местожительство в районе. Всех улиц в большом районе можно и не знать, зато школы – это не только места притяжения, но и центры противостояния...

тянулся в его объятия.

– Коммунистическая, шестнадцать! – Его руки также стали раскрываться.

– Ни хуя себе! – Я бросился к нему на грудь и объявил: – А я в четырнадцатом!

Мы обнялись и даже немного постояли так.

– Так, Куделин, – майор прервал наши сантименты, – ты единственный, которого я взять не могу. Иди в клуб на распределение.

Остатки не забранных бойцов были препровождены в клуб. Что там происходило, я не знал.

– Ладно, меня Саней зовут, я из разведки, повтори свою фамилию.

– Куделин и тоже Саня.

– Нехуй по тылам хилить, пойдёшь ко мне во взвод, в разведку!

Меня сразу посетил душевный подъём. По сути своей все мальчишки разведчики, и как бы обстоятельства ни складывались, я тоже желал им быть, даже в ущерб своей мечте и здоровью. Это как игра – вот наиграюсь и вернусь назад, к маме.

– Видишь, я связист. – Я махнул головой в сторону расстроенного майора. – Он тоже говорил, что возьмёт.

– Не с-сы, сейчас метнусь до начальника разведки и решим! – Он покровительственно хлопнул меня по плечу и улыбнулся. – Без меня не уходи, понял?! Упрись рогом, вре-

мя тяни, хоть сопли жуй, но из клуба ни на шаг. Понял?!

– Понял! – Я был на подъёме, мне нравился мой земляк и я желал быть рядом с ним...

– Всё, действуй! – Он развернулся и удалился вглубь части.

Я постоял некоторое время, чтобы немного перевести дух и, увидев невдалеке от плаца курилку, пошёл туда.

В ней сидел обречённого вида солдатик. Хотя не так – в курилке сидел чухомор, который готовился к очередным метаниям. Это я сейчас могу так сказать, а тогда в курилке сидел растерянный мальчик, которого одели с чужого плеча. Внешне он вроде как походил на солдата, но его бегающие глаза, нервные движения рук и то, как он докуривал сигаретку – всё указывало на то, что он психически нездоров. Моё присутствие несильно его заинтересовало. Вернее, он вообще не проявил ко мне никакого интереса. Мне же, наоборот, требовался собеседник. Остаток докуриваемой им сигареты был настолько мал, что его пальцы явно терпели дискомфорт от подобрывшегося вплотную огня.

– Может, моих закуришь? – Я достал из кармана пачку сигарет «Родопи» и протянул в его сторону. Он словно вышел из небытия и встрепенулся.

– А можно я возьму две? – ненастойчиво проканючил он.

– Да хоть все забирай! – Сигарет оставалось немного, а в моём РД¹⁴ лежало ещё пять пачек.

– Да? – Он с недоверием протянул руку, словно я его уже обманывал, и, скорее всего, это не подарок, а очередная издёвка.

– Да! – Этот цирк начал уже утомлять.

– Спасибо, – прошептал он, словно в горле его враз пересохло.

Мальчик схватил пачку и, воровато оглянувшись, извлёк из неё шесть оставшихся сигарет, затем снял шапку ушанку и распихал их в отвороты. Одну он засунул в нагрудный карман повседневного кителя, затем водрузил шапку на голову и посмотрел на меня.

Перемена, произошедшая с его лицом, была поразительна. Вся обречённость ушла, глаза обрели смысл, спина распрямилась и даже откинулась на спинку скамейки.

– Откуда вас привезли?

– Вообще то не привезли, а прилетели, – поправил я, раскуривая свою сигарету.

¹⁴ РД – рюкзак десантника – тщательно продуманный матерчатый ранец с многоцелевыми отделениями, карманами и подвязками.

– Ну ладно, – он примирительно согласился, – откуда вас?

– Из Гайжюная. – Я не стал утруждаться приличиями и выпустил дым прямо во время разговора.

– А! – Его словно осенило. – А я ещё сижу и смотрю, что-то уж очень много сержантов и ефрейторов. С Ферганы скромно выпускают. Мы вообще без парадки прилетели и бушлаты здесь получали.

Я посмотрел на свои вещи, и у меня закралось смутное сомнение, что парень действительно не в адеквате. Парадку я ещё могу допустить, но вот бушлат? Бушлат – это основная форма одежды для повседневного применения солдатом. Ну ладно – летом тепло, но ведь ночи отнюдь не молочные, они и холодом наливаются, а как же караулы?!

– А ты какого призыва? – Мне было интересно понять, что вообще передо мной сидит?

Я не описался, и вы правильно прочитали. Солдаты не могут быть настолько жалки, как он. Его вообще было трудно принять за солдата и существо в человеческом облики.

– Я твоего призыва, – он сказал это так плаксиво, что мне стало просто жуть, – нас сюда послали на доукомплектование. Приехали в Фергану, присягу приняли и всё – сюда. Я здесь уже четвёртый месяц.

– А сам то откуда?

– Откуда? – Он словно не понял мой простой вопрос.

– Родом то откуда?

– С Химмаша. – Я начал терять терпение, он это заметил

и, поняв свою оплошность, добавил: – Я из Свердловска. А ты?

Я повёл глазами по окружающим нас строениям и поднялся, чтобы покинуть курилку. Из клуба вышел офицер и стал смотреть по сторонам. Поняв, что ищут меня, я решил прервать это знакомство – оправил шинель и поднёс сигарету ко рту, чтобы сделать последнюю затяжку.

– Ты не выбрасывай, – он привстал, чтоб подхватить мою ещё не отброшенную сигарету, – я добыю.

Сделав неглубокий вдох, я протянул ему остаток сигаретки и подцепил свои вещи.

– Так ты то откуда, сам то? – сказал он мне уже в спину.

– Из Смоленска! – не поворачиваясь, выплеснул я.

Здравствуйте, притопали

– Ты Куделин? – задал вопрос худющий невысокий капитан, который вышел из клуба.

– Я.

– Блядь, где ты шляешься!? Что, уже борзеешь?! Смотри, у нас здесь не курорт, на губу в три счёта, – проречитативил он, гоня незажжённую сигарету в углу широкой кромки губ. – Давай заходи.

Понимая, что с офицером вступать в полемику бесполезно и даже опасно, тем более что особого повода для этого не было, я, подойдя быстрым шагом, шмыгнул в большой, человек на тысячу, клуб.

Клуб был высок и просторен. Одну четвертую зала занимала сцена. Я знал и видел многие сцены и снаружи, и изнутри, так что она была вполне полноценна, чтобы на ней мог выступать и театр, и хор. Зал был разделён на две части: партерную, которая занимала одну треть, и галёрную, между ними был широкий проход. Обе части находились под разным углом наклона, который давал каждому посетителю прекрасный обзор сцены и зала в целом.

Остатки нераспределённых сидели, скучковавшись по группкам, на галёрке. Посредине прохода стояли два письменных стола, на которых были разложены тощие картонные папки личных дел. Несколько командиров шептались

и перебирали их, словно это были не наши судьбы, а всего лишь карты, которые сейчас перемешают, перетасуют и сдадут, чтобы начать игру по крупному – не в секу или очко, а как у них это водится – в преферанс! Ну а мы как прикуп или, скорее, как денежный банк, должны сидеть и ждать своей участи.

– Ну что, музыкант! – Серёга Целуйко, щурясь, улыбался. – Наигрался? Хотел спилить! Не удалось?! Всё? Выдули тебя из оркестра?

Нервный смех поддержал его подколку.

– Спокойно, пацаны, ща будет вторая серия! – Я, словно в подтверждение, выдвинул ладонь, успокаивая всех жестом.

– Саня, вечно ты в бутылку лезешь, – проскрипел Чалый. – Двоих уже куда-то увели.

Я огляделся – из нашей команды не хватало Бисса и Галочкина¹⁵. Скажем так, они мне были по барабану, так как моя дружба с первым взводом заканчивалась на Целуйке и Нерухе, но последний должен был попасть в Кировабад.

– Да?! – усмехнулся я. – А меня случаем не вызывали? А то дюже расстроенный капитан меня искать выходил!

– Кому ты нужен! – Сменив беспокойство на улыбку, подначил Смирнов. – Дрочи по клавишам, музыкант!

Все приглушённо засмеялись.

¹⁵ Бисс Владимир и Галочкин Алексей – были определены в роту связи 345-й гвардейского парашютно-десантного Краснознамённого, ордена Суворова полка имени 70-летия Ленинского комсомола, который дислоцировался в Баграме.

– Спокуха! Замерли и ждём! – Я пропихнулся к ним поближе и стал ждать дальнейшего разворота событий.

В зале оставалось человек семьдесят вчерашних курсантов, когда быстрый, маленького роста полковник вошёл в помещение клуба.

– Смирно! – Команда, отражённая стенами, взлетела под потолок и ударилась в нас.

Мы вскочили, наши кресла, подняв свои сидушки, захлопали, как аплодисменты.

– Вольно! – Полковник не стал ждать доклада старшего офицера. – Кто остался?!

– Спецы, товарищ полковник! – ответил майор.

– А а! Ну понятно. – Полковник повернулся и подозвал Саню, который стоял возле входной двери. – Как ты его называл?

– Куделин! – Саня посмотрел на наши ряды и ткнул в меня пальцем. – Вот он.

– Так, сынок, – обратился ко мне полковник, – каким спортом занимался?

– Боксом, – сказал я удовлетворённо, понимая, что передо мной настоящий командир, которого все тут уважают.

– Очень хорошо! – Он наклонил голову вбок и оценил меня взглядом. – Так, этот будет мой! Где его дело?

– Не могу, товарищ полковник, он связист! – взмолился майор. – Начальник штаба приказал связистов больше не трогать!

– Ну так что же! Разведке что? Разве связисты не нужны?!

– Но он ЗАСовец! – настойчиво парировал майор.

Секундное замешательство, и полковник, словно оправдываясь, развёл руки в стороны и сказал, глядя в мою сторону: «Ну извини, сынок, тут уж и я бессилён». Затем он так же быстро ушёл, как и появился.

Саня вышел за ним, но перед этим показал жестом, что меня найдёт и ещё перетолкует.

– Ну ты, бля, даёшь! – изумился Димка, и все замолчали, в ожидании решения собственных судеб.

Часы уже давно протопали обеденное время и стали склоняться к полднику, правда в армии он отсутствует, но и этот жидкий перекусончик нам бы не помешал.

Даже в закрытом от посторонних клубе к нам подсаживались солдаты и старались произвести неравный обмен. Их интересовало всё, но в основном сигареты, часы, тельники, ну или ещё что-то типа перочинных ножей и даже нагрудные значки, которые они готовы были у нас купить, предлагая некий смешной денежный суррогат. Всё это выпрашивалось с мотивировкой «отдай земляку, а то по прибытии в часть всё равно заберут»...

Наконец, какой-то капитан, забрав документы, повёл нас через весь городок в сторону теперь уже нашего постоянного места службы.

Пройдя мимо магазина и чьего-то палаточного городка, мы вышли на пустырь со следами от недавних палаток и пря-

молинейных дорожек, приходящих из ниоткуда и ведущих в никуда. Пейзаж выглядел почти лунным, так как, снимая палатки с их насиженных мест, никто не позаботился о восстановлении прежнего ландшафта, и вполне заметные следы, как воронки после артобстрела, украшали местность. Там, вдали от основной палаточной суеты, находились два поставленных в линию модуля. Первый по нашему движению ещё достраивался и был, наверно, единственным во всей дивизии темно зелёного цвета, такого тёмного, что ещё темнее – уже не зелёный. Второй же модуль был голубым, не ярким, а просто голубым. С торца его на двух стенках от входа красовались два нарисованных плаката: на одном – крылатая пехота¹⁶ производила десантирование за спиной связиста с заплечной рацией. Он что-то докладывал, сжав сильной рукой передающее устройство. Второй плакат был более прозаичен, так как напоминал про героические свершения всеобъемлющей коммунистической партии Советского Союза.

Перед этим модулем располагался маленький бетонный пяточок размером не более чем пятнадцать на двадцать, а в трёх метрах от него по ходу нашего движения стоял караульный грибок. Одинокий дневальный, вооружённый штык ножом и автоматом, с надеждой оглядывал подступы, стараясь высмотреть врага, чтобы не подпустить его к этому бетонному пяточку.

Небольшое трёхступенчатое крыльцо приглашало

¹⁶ Крылатая пехота – десантные войска.

вовнутрь. С правого боку от большой двухстворчатой стеклянной двери на стене висела табличка «Штаб войсковой части п/п 15831».

Построив нас в две шеренги на этом маленьком плацике, капитан углубился в модуль. Через неширокую из гранитного отсева дорожку располагался хозяйственный пустырь со столбами и перекладинами, которые соединяли меж собой бельевые верёвки. Сразу за ним находился автопарк. Сквозь его колючую проволоку можно было видеть границы других автопарков, содержавших настолько разную технику, что перечислить её враз не представляется возможным. Размеренное копошение озабоченных солдатиков, облачённых в бушлаты не первой носки, ковырявших тела всамделишных боевых машин, пугливо наталкивало на то, что рядом и вправду война – пушки крохотных танков, худые стволы тучных БТРов, худошавых БМП, веточки курсовых пулемётиков БРД пугали своим грозным молчанием.

Вообще, глядя на этот огромный, разделённый ключей проволокой автопарк, вдруг показалось, что, пробегая из озорства за опущенным на сцене клуба экраном, я нечаянно прикоснулся к нему и провалился в это невсамделишное бытие, которое высветил кинопроектор, стараясь показать новости армейских будней перед тем как начать цветное кино. Ещё вчера – мирно плачущая Литва, а сейчас – горы, лунный пейзаж и это изобилие орудий, вздёрнувших свои стволы в небо.

Там – на аэродроме, на плацу полчка и в клубе полтинника, когда нас ещё не распределили, ощущать себя вещью не приходилось – судьба была не определена, а чувства заморожены, но сейчас!?! Мы стояли, как на витрине, и не просто стояли, а были буквально раздеваемы донага. Каждый солдат, каждый сержант, каждый прапорщик смотрели на нас как на некое приспособление, которое следует срочно применить, испытать и, разочаровавшись, за ненадобностью отбросить.

Одни лишь офицеры, не выказывая эмоционального интереса, проходили мимо, словно никого и ничего не замечая. Мы же стояли, как пятнадцать оловянных солдатиков, которым бояться нечего! а если и есть, то тому, кто сможет нарушить этот единый строй, наши отвердевшие сердца дадут действительный отпор!!!

... – Мужики, давайте договоримся. – Димка Смирнов собрал нас возле себя, чтобы сказать самое сокровенное, что болело и маяло каждого. – «К бою!» не падаем ни при каких обстоятельствах! Договорились!?!

– Да, мужики! Давайте вести себя как мужики! – подтвердил свои намерения Серёга Целуйко.

– Ну да..., – подтвердил каждый.

– Что молчишь? – Димка обратился ко мне.

По сути, Первых из наших было только трое: я, Димка Смирных и Серёга Целуйко – в равной степени от каждого взвода нашей роты. Остальные были Вторыми. Правда,

кроме нашей роты, учебный батальон поставил ещё девять парней из других учебных рот, но мы были связкой спецов, которые должны были попасть в один батальон и в одну роту, так как нас роднила определённая специфика связи.

Я же отвлёкся и был в прострации, так что для меня суть вопроса пришлось повторить, что, вероятно, было воспринято как сомнение.

Поняв сам предмет обсуждения, я ухмыльнулся и заявил:
– Смотрите, мужики, я лягу последним, но вот вы то сами не лягте! А то я знаю одного полу-мастера спорта, который команду “К бою!” воспринимал как призыв к тренировке, а прицепив капральские лычки, вот уже всё позабыл¹⁷!

– Ты кого имеешь в виду? – почти с обидой выступил Дима.

– Успокойся, – парировал я с улыбкой, – иных уж нет, а те далеке! Он своей самоотверженности остался обучать подрастающее поколение.

– Ну вот и ладно, мы за себя отвечаем! – словно купец, развеявший сомнения, подытожил Целуйко.

Манера Серёги была всегда примирительно соглашательской до той поры, пока ему не светил фингал или нож. Его лидерские качества были скрыты под личиной постоянного

¹⁷ Капрал который всё позабыл – Олег Белых, по словам служивших под его началом курсантов был вполне одиозен если не хуже самого Гарика. Привычка разглядывать фотографии моих девчонок с моим исходом его не покинула – он приставал с просьбой показать фото к подчинённым, а потом на них (на подчинённых) словно что вымещал...

одобрения, но убеждённая упёртость никогда не покидала его лица.

«Сможет ли он так и дальше оставаться собой, проявляя свои противоположные качества?» – может, тогда я этого и не подумал, но оценка перспективы для себя и всех окружающих сидит во мне с ясельного возраста.

– Ладно. – Я пожал плечами и пошёл бродить по просторам заморозившего нас аэродрома.

Весь разговор состоялся именно в момент подъёма солнца над горой, что придавало этой договорённости некий статус одобрительной освещённости...

И вот уже почти вечер того же дня, и мы на витрине, и нет никого, кто бы укрыл нас покрывалом от назойливых глаз и поднёс нам хоть корочку хлеба.

Маятное стояние продолжалось минут тридцать.

Наконец, из модуля вышел бывший командир второй роты нашей учебки.

– Ну здравствуйте, товарищи солдаты! – Майор улыбался.

– Здравия желаем, товарищ майор!

– Я заместитель командира батальона связи! – Голос его был лишён красок и оттенков, так как всегда был сиплым, с надрывными нотками человека, попившего холодного пивка. – Тем, кто меня не знает, я Колпаков Анатолий Петрович. Хочу сразу ввести вас в курс дела. Вы попали в боевую дивизию, которая ведёт реальные боевые действия. Если вы заметили, городок окружают несколько рядов колю-

чей проволоки, а за ней находится территория Афганистана. Здесь, в пределах охраняемого периметра вы дома, но там! – Он неопределённо кивнул в сторону модуля, который своим телом загоразживал то, на что указывала его голова. – Там пощады не ждите. Посему в городке существует комендантский час. С одиннадцати вечера до пяти часов утра по территории можно перемещаться только в составе караульных групп. Если вы попадёте в периметр чужой части без знания их внутреннего пароля, то вам гарантирована смерть.

Среднего роста, слегка худощавый, с лицом, выражающим принципиальную решимость, он был в данный момент олицетворением неизбежности, какой и чего – не скажу, так как, попав сюда, каждый, по сути, был уже обречён на то, что должно было с ним произойти. Колючая проволока, охраняемая солдатами в бронежилетах, в касках и с автоматами, безвозвратно потерявшими лоск воронёной стали, лицо вот этого, теперь уже нашего замкомбата и то место на карте, где мы сейчас находились – всё это и было неизбежностью, которая уже свершилась!

– Кроме того, – он продолжил свой монотонный монолог, – предупреждаю каждого, что ваше личное место нахождения постоянно контролируется. Если вы отсутствуете в месте вашего назначенного нахождения более пяти минут, то следует доклад командиру роты. Если вас не нашли, то доклад идёт уже командиру части. Далее, ваше неоправданное отсутствие в течение двадцати минут – это доклад ко-

мандиру дивизии, который через двадцать пять минут обязан доложить командующему ВДВ. Так что, молодцы, с этим прошу не шутить. Завтра вас отведём на экскурсию в морг, а сейчас вас распределяют по подразделениям.

Пока он говорил, на крыльце образовалась некая стайка офицеров, которая курила и с этого импровизированного балкона оценивала нас, как гладиаторов перед началом представления. Движения их были просты и игривы, они, как дети, друг друга подначивали и, не стесняясь, смеялись. Тяжесть речи, переданная замкомбата, никак не согласовывалась с настроением этих офицеров.

Из их окружения вышли три капитана – два почти худых, но разного роста, и плотный. Замкомбата словно почувствовал, что к нему приблизились наши будущие командиры и, не оборачиваясь, как оракул, проговорил: «Это ваши теперешние командиры рот, под крылом которых вам придётся проходить дальнейшую службу».

Три капитана выстроились по мере убывания веса. Первый – плотный, рядом с ним – высокий, потом – обделённый их достоинствами.

– Прошу любить и жаловать! – Он, не меняя положения, лишь поворотом головы указал на первого. – Командир первой роты капитан Падолга.

Коренастый капитан приподнял правую руку до брови и опустил. Этим ленивым жестом он изобразил воинское приветствие, которое разительно отличалось от приветствия, ко-

торым нас одаривали в учебке.

Следующим был капитан – выше на полголовы и в пол обхвата шире, в почти новой полевой форме. Что-то неумолимо подсказывало – его служба в Афганистане только началась. Из него изливалась некая усталость, которую я успел ощутить и заметить у престарелых мастеров производства, работая на большом уральском заводе.

– Командир второй роты капитан Сазонов. – В этот раз Колпаков не стал поворачивать голову, а представил следующего, как только Сазонов опустил свою руку от козырька.

Создавалось впечатление, что они это тренировали – замкомбата, не глядя, угадывал движения каждого, а каждый из них и все вместе успевали между паузами начальника сделать всё, что от них требовалось. Правда, и требовалось то мало, но всё же...

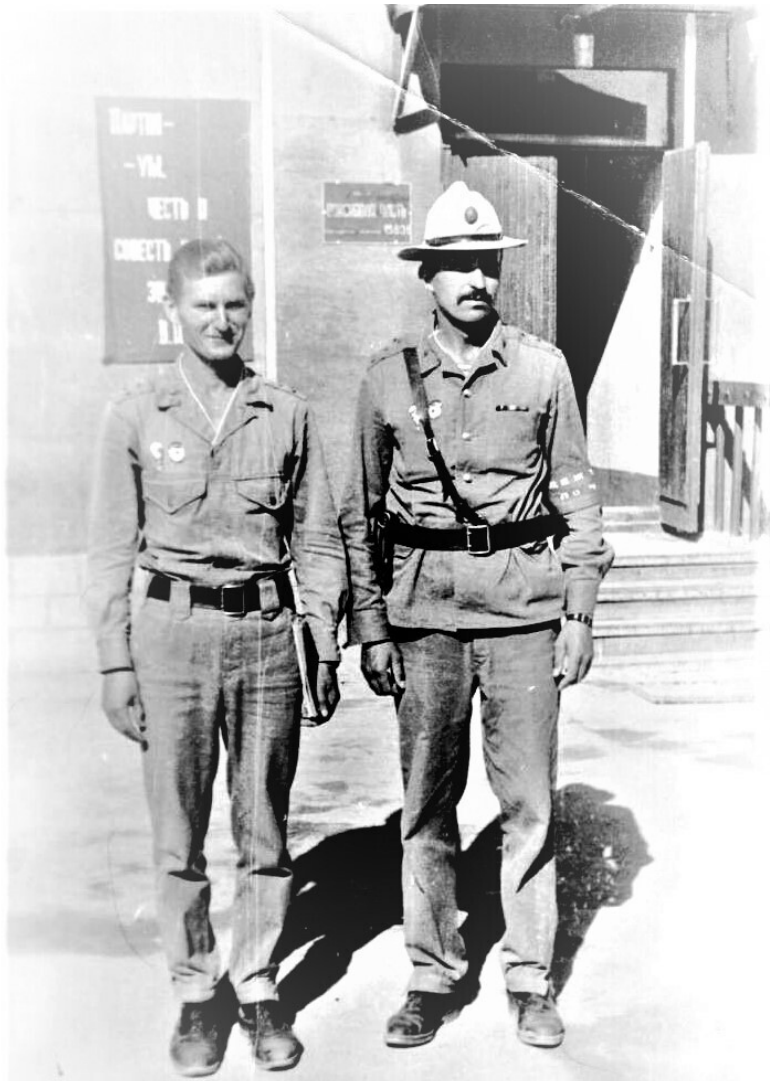
– Командир третьей роты капитан Хряпин! – Замкомбата повернулся к нему и даже улыбнулся.

Хряпин был в выцветшем до бела ХБ¹⁸ с загорелым лицом и нестриженной головой.

К слову, причёски практически у всех, увиденных мной, были достаточно коротки, а у некоторых их вообще не было. Нет, волосы были, но причёску ещё следовало обрести, одним словом – заросший ноль.

¹⁸ ХБ, ХЭБэ, ХБэшка – хлопчатобумажное солдатское обмундирование. Теперь различия в повседневной форме между младшими офицерами и солдатами нет, но тогда, вне Афганистана, полевой формой офицеров было ПШ – полушерстяная форма одежды...

В образе Хряпина была некая небрежность, которая никак не состыковывалась с образом командира роты. Если б я его увидел на улице, то сомнений бы не было – передо мной стоит бывший зэк, причём не какой-нибудь фраер самомеченый, а минимум – авторитет, а то и вор. Небрежные складки его одежды были не простым неряшеством, а неким подчёркиванием его атлетизма. Фуражка сбита на затылок, под ней – лицо бойца со скулами интеллигента. Серые глаза с прищуром приколиста буквально раздевают и стараются проникнуть вовнутрь – в душу.

Капитаны, командиры рот: 3-й – Хряпин, 2-й и дежурный по части Сазонов¹⁹.

Он довольно долго смотрел на меня, но даже из почтения к его боевому разгильдяйству я не стал отводить взгляд, чтобы начать сражаться за себя, вернее, за своё место под здешним солнцем. Что-то подсказывало, что наглостью его можно завоевать быстрее, чем послушанием.

Наше противостояние прервал Колпаков.

– Так, солдаты, слушайте, кто в какую роту приписан...

Что ж, мне не повезло – я хотел бы попасть под крыло Сазонова, уверенная лень которого явно просвечивала и давала надежду на быстрое продвижение в сержанты. Карьерный рост меня интересовал всегда. Пусть моё офицерство – это дело решённое и оно не за горами, но права пословица: «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом!». Конечно, лычки сержанта – это не генеральские лампасы, но всё же не общий строй рядового состава.

Оставшись на месте, наша пятёрка перегруппировалась, чтобы продолжить свою службу вместе. Остальные были уведены в пределы этого же плаца, но на разные его концы.

Могу ошибиться, но всё же из нашей роты были и в неё же попали:

Я – ефрейтор Куделин, который сорвал лычки в самолёте,

¹⁹ Хряпин и Сазонов – Имена в армии для солдат не существенны, главное – это должность, звание и фамилия.

чтобы не срамить своим званием чести погон.

Дмитрий Смирнов – младший сержант, специалист телефонной связи ЗАС с правом допуска к секретным документам и к оборудованию ЗАС.

Сергей Целуйко – младший сержант, специалист радиорелейной связи.

Виктор Чалый – солдат, телеграфист механик, имеющий допуск к секретным документам и к шифрующему оборудованию ЗАС.

Иван Хвостов – солдат, телеграфист, имеющий допуск только к секретным документам без права допуска к шифрующему оборудованию ЗАС.

Валентин Романов (Рома) – солдат, телефонист, имеющий допуск только к секретным документам без права допуска к шифрующему оборудованию ЗАС.

Конечно, была ещё пара тройка статистов, но память совершенно отказывается придавать их теням лица и тем более имена.

– Ну что, недоростки? – Вот так вот без всяких объяснений заровнял нас наш будущий командир роты. – Вот вы и прибыли в землю, которую ваш воспалённый ум мечтал обрести. Предупреждаю, что здесь не курорт, а война. Если ваши сраные душонки будут раздавлены, то каждые полгода у нас идёт пополнение. Так что не пытайтесь юлить и ёрничать. Вместо связи быстро переплавитесь в курки и будете, подставляя спину, месить своими лаптями говённую жижу

Афганской пыли.

... Не вчитывайтесь в нагромождение фраз, произносимых этим офицером. Он всегда был многословен, и в потоке его речи трудно было найти ядро. Основным смыслом было всегда одно – вы недостойные подонки, которых зачали по средствам связи, доведя телефонным разговором или азбукой Морзе до оргазма. И не надо обольщаться – вас зачали не естественным путём, а посредством симплексной связи. Ну что, поймал Гамадрил себя за яйца?! Вот теперь потяни себя за них и понюхай! Чем пахнет!?!.

А пахло ну никак не отцовской любовью и теплотой встреч.

Небольшие отряды численностью не более двух наших (по сравнению с учебкой) взводов стали напивать плац части. Вот этот бетонный пяточок и был плацом части.

Совсем не торопящуюся кучку (строим её никак нельзя было назвать) солдат к месту нашего стояния привёл младший сержант.

Когда эта кучка разместила свои тела с правой стороны от нас, изобразив некую видимость строя, тот самый младший сержант отдал череду команд без разрывов на их выполнение.

– Равняйся! Смирно! Равнение на середину! – Его голос был немного тонок, а произношение шло через нос, словно он был обижен на весь мир и в особенности на командира, которому следует сейчас доложиться. – Товарищ капи-

тан, третья рота с ужина прибыла! Заместитель командира первого взвода младший сержант Кучеренко.

– Ну ты, Кучеренко! – Капитан словно взорвался. – Ты что изображаешь? Ты что себя десантом возомнил что ли!?! Это что за строй насравших в штаны?!

Во время его самобытной ругани ухмылки прибывших были нескрываемы.

– Кучеренко! – Редкий смешок сослуживцев подстегнул словоохотливость их командира. – Ты что тут из себя лебеда корчишь?

– Какого лебеда? – обиженно огрызнулся Кучеренко.

– Ух ты, а я ошибся! Ах! У тебя же ремень на яйцах! Ты, наверное, дембеля изображаешь?! – Офицер явно радовался теме, которая зацепилась за его язык. – Значит, всё!! Пришли Слоны, и Фазаньё перья скинуло?! Да?! То есть, вы бросились в линьку и на службу враз забили штырь?!!

– А чё не так-то, товарищ капитан? – Кучеренко обиженно выпятил нижнюю губку и слегка ссутулился.

– А я скажу тебе, что не так! – Лицо капитана стиснуло скулы, брови свелись к переносице, веки сузились до момента прицела. – Кругом!

Кучеренко без рвения, но вполне расторопно выполнил приказание командира.

Строй, маемый командой «Смирно!», уже стал ослабевать в своём чинопочтании, но изменение в расстановке вновь напрягло коленные суставы, свело лопатки и выпятило грудь.

Хряпин сделал три шага и разместился в интимной близости от младшего сержанта.

Кучеренко взволнованно оглянулся, но быстрые руки капитана подняли нижний край его бушлата и выудили из-под повседневного кителя парашютную резинку. Штаны младшего сержанта потеряли упругость и распустились вокруг бёдер мешком солдатского галифе.

Случившееся преобразование совершенно не тронуло командира, так как его внимание привлекла именно эта резинка.

Красная, с вплетённой в неё чёрной чересполосицей, она была основным механизмом для открытия одного из клапанов основного или запасного парашюта. Желанная вещь, которую мог достать далеко не каждый.

Дело в том, что парашюты в десантных войсках держатся всегда в боевом положении. Их переукладку обуславливают только тренировочные прыжки или долгое лежание на складе, которое не может превышать более двух месяцев одного сезона. Весь учёт ведётся по паспорту парашюта, находящемуся в маленьком карманчике парашютного ранца. В этот паспорт вписываются данные его хозяина и дата последней укладки. Там же стоит роспись проверяющего качество укладки и данные последнего укладывающего.

Как видите, всё прозрачно и учтено. Так что своровать эту резинку, не убив чужую жизнь, невозможно. Парашют уложен, проверен и не обезличен.

Конечно, наша армия полна всевозможными продуктами списания, но надо быть в ней в нужное время и в том самом месте. А так как потребность миллионов армейских штанов не может быть обеспечена наличием резинок всех вместе взятых десантных парашютов, то эти отрезки счастья достаются самым избранным, изворотливым, проворным и офицерам. Сейчас то каждый рынок имеет эти разноцветные стяжки, кончающиеся двумя крепкими стальными крючками. А вот тогда это был определённый шик, а главное – дефицит!

Зацепив крючки за вторые от краёв петли поясного ремня, можно мгновенно подогнать брюки под объём собственных бёдер, не прибегая к ушиванию армейского стандарта.

Радвила на прощание пожертвовал мне свою резинку, и она честно дожидалась своей участи на дне моего РД.

Сами же мы были одеты в парадную форму с подшивой под берет. Этот шик мы навели на себя все, когда ожидали прилёта самолётов на аэродроме Гайжюная. За полгода на нашей груди появился ряд заслуженных значков. Сапоги, тщательно подготовленные к исходу, сверкали умеренной новизной, которой добивается каждый, уходящий из учебной части. Тельник, нагло выпячиваясь среди двух белоснежных лент подшивы, сползшей с воротника на линию лацкана, словно звал наши сердца в атаку, для которой и переродила нас наша учебка.

Одним словом – мы были реально красивы, чего не ска-

жешь о наших поношенных сослуживцах, форма которых была выцветшей до белизны.

– Вот! Вот то говно, которое сжирает каждого! – Он толкнул Кучеренко в спину и дал команду: «Встать в строй!»

Кучеренко насупился и проследовал на правый край строя.

– Вот оно, – продолжил ротный, не дожидаясь восстановления строевого порядка, – говно, от которого вы никогда не уйдёте! Зачем оно вам это надо!? – Он сделал паузу, которая тут же заполнилась подобной речью других командиров рот, которые также вели бурный диалог со своими подразделениями.

– Именно с этого и начинается ваше опускание! – продолжил Хряпин, поняв, что паузой сердца не растопить.

– Что вы так расстроились, товарищ капитан? – дерзнул Кучеренко.

– Я чего?! – Казалось, будто он сейчас бросится избивать этого сержанта. – Я чего! Да ты ещё вчера ходил, как хряк из подворотни. А сейчас вот уже и на преступление пошёл! Где ты взял эту резинку? У тебя же её не было! И я сомневаюсь, что тебе её подарили! Слишком уж она ценна для вашей дёсанской души!

– Ну почему, товарищ капитан? – Входя в полемику, голос младшего сержанта Кучеренко стал менять оттенки, напытаясь упругостью железа, хотя и оставался писком осипшего ребёнка. – Мне её действительно подарил земляк. Их, слава

Богу, вон сколько прибыло.

Стоя во втором ряду строя, мне было трудно наблюдать за этой сценой со стороны, но я думаю, что он довольно махнул головой в нашу сторону и улыбнулся, не скрывая триумфа и наслаждения.

– Значит так! – Капитан сунул резинку в карман своих брюк. – Я спорить не буду. Вы же тупорылые и в своём рвении к старшинству совершенно забываете, что год назад стояли в этом же строю, изнемогая от взглядов возжелавших вас дембелей. Смотрите, если узнаю хоть о малейшем проявлении неуставных взаимоотношений, определю в штрафбат без промежуточного звена. Ясно?!!

Совершенно недружное «так точно», вывалившееся из-под носа большинства сослуживцев, удовлетворило его и привело в спокойствие.

Три офицера, не мешавшие игре двух актёров, стояли с края роты и ждали, когда ротный обратит на них внимание.

– Значит так! Молодёжь! – Ротный повернулся к нам и улыбнулся, так как дружный ржач роты поддержал его определение. – Сейчас вас распределят по взводам. Но помните, что ваше достоинство в ваших руках! Если хоть один недоносок из этой толпы позарится на вашу личность, то я даже и не прошу, а требую, чтобы вы обращались прямо ко мне или, по крайней мере, к своим командирам взводов. Ясно?!?

– Так точно!!! – проголосили мы в уставном рвении.

– Вольно! – ротный только сейчас подал эту задержавшу-

юся в его голове команду.

В принципе, все кроме нас, давно уже стояли, ослабив одно из колен.

Все три взводных были выше среднего роста и худощавы: старшина роты (прапорщик) – лысоват, коренаст и дюже плечист, а два начальника аппаратных (прапорщик и старший прапорщик) в возрасте – один худой, как дрыщ, чернявый и с упавшими на нижнюю губу усами, а второй – приземистый, вида новоявленного деда, у которого, кроме внука, есть ещё и младший сын второгодник. Ни старшина, ни эти два прапорщика опаски не вызывали, а вот офицеры, спустившись с высот, изучающе сверлили нас глазами.

Я, Смирнов, Чалый, Рома и Ваня Хвостов (я, с вашего позволения, буду называть его по имени, иногда смягчая обращения, хотя все его звали просто Хвост) попали в третий взвод, командиром которого был старший лейтенант Юрий Кубраков, а Целуйко был воткнут во второй. Его взводный был интересен внешностью, так как в нём просматривались отдалённые черты Хомя, попавшего в историю с Гоголевским Виём. Нет, волосы его ещё не поседели, но вот лицо уже наполнилось некой отрешённостью, а глаза были озабоченно пытливы, словно он в любой момент ожидал взрыва.

Недолгое знакомство было прервано командой ротного: «Разойдись!» Он дал её скорее для себя, нежели для всей роты, так как взводные в свободной форме общения каждый удержали свои взвода возле себя, чтобы отчитать нерадивых

и раздать указания на вечер и завтрашнее утро.

Некая суতোлка возле наших судебных отвлекла моё внимание тем, что на плац со стороны основного подхода из глубин дивизии следовала фигура солдата, взорвавшая мою память. Это был и не солдат вообще. Скорее тень ребёнка, который вытянулся до размеров взрослого, но остался таким же, каким и покинул меня, мою душу и этот мир.

Нет, ни в коем случае не хочу сказать о нём ничего плохого, и ни одно из поколений не имеет права применить к нему то прозвище, которое я произнесу сейчас!

«Понос!» – Волна страха и возбуждения поднялась от лопаток к затылку и медленно, холодя спину, стала спускаться в сапоги.

Сердце ёкнуло и защемило, и я буквально впал в прострацию...

... Мальчик, раздавленный передним колесом нового железного зелёного грузовика ГАЗ-57, был моим другом и, если хотите, поводырём. Он ел свои козявки, кормя меня мороженым. Он читал мне названия на товарах из магазина и возвращал сдачу, не утаивая ни копейки. Он был до самой его смерти мне больше, чем братом, он был моей частью – он был мной. Странный симбиоз пяти шестилетнего меня и его, который закончил первый класс и был раздавлен машиной, двинувшейся в тот момент, когда он бросился ко мне.

В тот день, день моего рождения, он ждал меня во дворе, и я вышел. Меня интересовал грузовик, а он жаждал об-

щения со мной. Мама называла его «Горюшком», а дворовые «Поносом». Он был единственным беспредельным счастьем матери, опека которой превратила его в овощ, и только в тени моего авторитета он мог раскрываться в личность. Уже в том возрасте я был полноправным членом дворовой команды, куда были зачислены не все, даже не мой старший брат. В тот неблагоприятный день Лёня, уйдя из моей жизни, переместился в сны. Его ватное тело издевалось над своими руками и ногами. Они могли тянуться и гнуться в разные стороны...

Вот и сейчас он, словно выйдя из детского сна, напялил на своё несуразное тело военное обмундирование и вытянул себя до нижнего предела солдатского роста.

«Лёня!?!» – похолодел я до вопроса: «Как!?!».

К бою, суки, к бою!

– Свороб! – Старшина перекрикнул гул общего построения и, махнув рукой, подозвал вошедшую в свет плаца недавнюю тень. – Иди-ка сюда. И шибче, шибче!

Он отошёл от нашего строя и остановился, чтобы дождаться подхода сгорбленного в подобострастии человека, облачённого в бушлат и форму, которая была измята, грязна и велика ему размера на два.

Ночь давно накрыла всю местность, и тускло мерцающие огоньки палаточного городка были убиты двумя прожекторами, освещавшими середину нашего плаца, где и встретились теперь уже мой ротный старшина Толстокоров и солдат срочной службы Сергей Свороб.

– Ты почему не был на построении?! – свирепо спросил старшина.

– Товарищ прапорщик, я был сегодня разносчиком, поэтому поесть со всеми не успел, – плаксиво ответил солдат.

В руках у солдата было два котелка с подкотельниками, а фляга в наремённом чехле своей полнотой оттягивала ремень вниз и назад.

– Ну да. А потом тебя попросили помыть котлы и убраться на кухне?! – Прапорщик протянул руку к его ремню, но, передумав, схватил и приподнял к глазам один из котелков. – Так, на кого слоняришь?!

Солдат буквально присел в коленях и слегка качнулся в сторону.

«Сейчас рухнет!» – ахнула мысль, и я даже чуть подался вперёд, чтобы поддержать этого человечка, который разбудил во мне давно убитые им же чувства.

– Товарищ прапорщик, это мой котелок, – подал голос ещё один солдат, который появился из тени ночи, войдя на плац с тыла нашего строя.

– А что, Шиханов?! Ты что? Сам уже не в состоянии котелок носить? Руки отваливаются? Или на то есть другие причины? – Свирепость старшины враз спала, и голос обрёл отеческую интонацию.

– Да нет! – Шиханов подошёл близко, но тона громкого разговора не понизил. – В сортир припёрло, вот я и оставил котелок с недоедками Своробу!

– Ладно, – прапорщик словно вообще потерял интерес к разговору и быстро переключился на другую тему, – Свороб, встать в строй! Значит так, Володя, примешь по аттестатам под запись их вещи.

– Есть, – скорее по-братски ответил Володя.

– Смотри, не дай бог хоть один тельник пропадёт или по аттестату будет недостача, рожать будешь сам! Понял?

– Товарищ прапорщик... – он не стал договаривать, разведя в обиде руки.

– Всё, дуй в каптёрку и приготовь отдельную полку, я их вещи сам проверю! – Он уже двигался в сторону сгустившей-

ся ночи, когда добавил: – Потом.

Володя удовлетворённо повернулся к строю и проследовал к нашей группке.

За минуту до этого каждый из командиров взводов командовал «Разойдись!» и удалился в своём направлении. И лишь наша кучка стояла, не зная куда расходиться, и главное, была совершенно непонятна фраза командира роты: «... Действовать по ранее намеченному плану!», которую он проговорил, перед тем как скрыться с плаца части.

– Так, Слоны! – надрывая свой тонкий голос, гаркнул Кучеренко.

Я вообще не понял, это было что?! Обращение, утверждение или побуждение к действию? Тон Кучеренко был настолько безапелляционным и само собой разумеющимся, что ум совершенно отказывался принимать на веру эту фразу. Меня и всех нас только что назвали Слонами, причём это было утверждение, а не прикол с улыбкой, которую хотелось бы увидеть на лице встречающей нас стороны.

Сам младший сержант Кучеренко стоял, покачиваясь на каблуках, и смотрел отрешённо, словно нас уже израсходовали²⁰ и перспектив на восстановление статуса нет. Минуту назад все наши так же смотрели на Свороба, думая о нём как о недостойном внимания недоразумении, которое случайно проявилось из темноты и туда же исчезнет, чтобы впредь гла-

²⁰ Израсходовать, потреть – синонимы означающие двусмысленное выражение – изнасиловать в извращённой форме (армейский жаргон).

за не мозолить.

Лично у меня появилось сильнейшее желание послать этого Кучера «на хуй!». И только полное непонимание предстоящих мне перемен, вернее, полная дезориентация в неизвестной обстановке, заставляла затихнуть, чтобы, оглядевшись, проявить себя позже.

Это было уже почти природной осторожностью, поселившейся во мне за полгода постоянной смены событий, которые наполнили мою, как теперь кажется, ещё не тронутую душу.

– Я долго говорить не буду! – Его нижняя губа чуть подавалась вперёд и слегка отвисла в обиде, словно у ребёнка отобрали игрушку, и он сейчас заплачет. – Жить вам придётся несладко, но толковые выживут. Если кто из вас будет сильно ерепениться, заебём по уставу! А так, жить дадим. Ясно!?!

– ... – ни всплеска аплодисментов, ни согласительного гула или кивания в ответ он не получил.

– А что?! Вас в вашей учебке не учили отвечать старшим по званию?! – Он подтянул губу и, стянув челюсти, постарался изобразить гнев.

Ну не мог он быть страшен в гневе, не мог! Хотя, может, ему этого очень хотелось. Он был не щуплый, но маленький, щекастый и рыже конопатый, кроме того, его осанка напоминала знак вопроса с округлой попой вместо точки.

– Так вы здесь не один в звании младшего сержанта! – парировал Смирнов.

«Блин, вот они – лычки! Вот он – повод к противостоянию с перспективой на грубый отпор!!» – вчёрную позавидовал я, в очередной раз обругав Костина, своего бывшего ротного или кого там ещё, которые не повесили мне на погоны этот знак равенства, о котором сейчас говорит Димка.

– Слушай! – Кучеренко ответил почти сразу, словно ожидал подобную борзость или, по крайней мере, тренировал ответы на подобную каверзу. – Ты – Слон! До тех пор, пока тебя не произведут в Фазаны, ты про свои знаки отличия забудь, а лучше воткни себе в жопу и пережуй. Понял!?! А не понял! Проснёшься завтра Духом! И будешь обстирывать Свороба иль Журовка!

Самодовольный смех из стоящей рядом с плацом курилки, реплики теней, наблюдавших из ночной темноты, и обидчивый недомерок с выпавшей нижней губой – всё это действие происходило не в фильме талантливых режиссёров, а в центре объятной пламенем войны стране, которую нас послали спасать.

Последние фразы Кучеренко уже кричал, но крик его был совершенно не страшен, а пугали те, что подсматривали на нас из ночи. Сколько их? – Не посчитать!

«Интересно, а что он умеет на перекладине?» – Весь поднятый им шум меня донимал мало, намного интересней было оценивать людей, которые стараются быть старше тебя, пусть даже и с помощью звания.

– Кучер, кончай пиздеть, – сказал мимоходом солдат, –

давай их в кубрик, пока шакалов нет! А то времени осталось мало.

Он был не от мира сего – форма была ему впору и сидела с неким шиком, панама – не мятым грибок, как у всех, а сомбреро. Мимолётно зацепив меня взглядом, он самодовольно ухмыльнулся и вошёл в модуль. Выражение взрослого, без остатков детства лица отливало отрешённостью от происходящих вокруг нас событий. Пропать, разорвавшая в этот день мою жизнь, обрела реальные размеры и глубину, которые можно было оценить, лишь поставив нас рядом – сделанные из одного теста, мы были разные по степени готовности, и если его можно было назвать калачом, то я – лишь опара!

– Значить так, – Кучер снизошёл на милость, вернее, потух, – берём свои вещички и – в кубрик третьего взвода. – Свороб, проводи.

Свороб, как оказалось, по команде «разойдись» не исчез с остальными солдатами роты, а всё это время был рядом и чего-то ждал. Плац опустел. Часть, ограниченная только лишь светом в окнах модуля и освещением плаца, вымерла.

Грибок, стоявший в трёх метрах от плаца, приютил под своей крышей одинокую тень солдата, который иногда проявлял себя возгласом: «Стой, кто идёт?!»

– Свои. – Этот ответ был словно ответным словом на пароль, который требовалось произнести, чтобы выйти из темноты на линию границы освещения.

– Проходи, – проговаривал он, когда входящий на плац проходил больше половины пути до крыльца модуля.

Дверь модуля была полуторной, со вставными стёклами, но тусклость коридорных светильников не могла побороть яркости освещения плаца.

Свороб, словно извиняясь, оглядывался на нас и шёл походкой человека, который недавно обжѐг пятки – они уже стали заживать, но боль под коростой продолжала напоминать о себе при каждом шаге.

Коридор – он же взлѐтка, был не шире двух метров. Если двигаться в колонну по два, то встречному придётся расходиться в пол оборота, прижавшись к стенке. Множество закрытых дверей пугало своей неизвестностью. Слева, сразу возле входа – маленькая комната дежурного по части, которая отделена от взлѐтки небольшой витриной, вставленной в стену коридора. Для особо несообразительных на ней так и написано «ДЕЖУРНЫЙ ПО ЧАСТИ».

Далее по ходу, слева – дверь в медкабинет и оружейная комната, которая защищена железной дверью, сваренной из прутьев нетолстой арматуры. Ушко для замка было пусто, что натолкнуло на мысль, что секунды здесь всё же считают. Сразу возле этой незапертой двери – пьедестал и тумбочка дневального, который с недовольным видом смотрит на сапоги вошедших в расположение части.

Прямо перед дневальным – дверь в просторный зал, если можно так сказать, внушительно просторная, по сравне-

нию с остальными – Ленинская комната. Далее были двери в другие помещения, которые в будущем нам следовало ещё изучить.

Кубрик третьего взвода был третьим с конца, слева по коридору. В нём стояли два ряда кроватей: левый – двухъярусный, а правый – одноярусный, и только одна кровать была расположена вдоль стены и создавала некий пятачок возле выхода из кубрика. Над кроватью была устроена импровизированная вешалка, которая приняла на себя некое обмундирование офицера в чине старшего лейтенанта. Памятуя, что я теперь отношусь к третьему взводу, было не трудно догадаться, что эта вырывающаяся из стандарта и есть кровать командира взвода Кубракова.

Свороб, заведший нас в этот кубрик, хотел остаться возле двери, но, увлекаемый за рукав, прошёл со мной до окна. Большая зелёная труба, изогнувшись, как питон, обогрела всё помещение. Жар от неё был ощутимый, и захотелось открыть окно.

– Лёня, – я с действительным интересом смотрел на Свороба, – ты как здесь очутился?

Свороб зависимо стоял возле меня и совершенно не сопротивлялся моему силовому захвату. Он словно был согласен на всё, только бы с ним обращались приемлемо, а то, что он этого хотел всем сердцем, было заметно и так.

– Меня из Ферганы прислали, – с покорностью ответил он.

– Да? А ты давно здесь?

– Уже три месяца. – Произнесённая им фраза отразилась на его лице такой болью, что захотелось обнять этого ребёнка и успокоить, хотя он всем своим видом вызывал отвращение и неприятие его как солдата, да и человека в целом.

Давняя память, проснувшаяся на плачу, вдруг двинула меня к нему. Видимо, та дружба, рождённая моей детской выгодой, всё ещё сидела во мне и не отвергала человека, который, как мне всё это время казалось, был раздавлен многотонным колесом грузовика, двигавшегося наперерез бежавшему мне навстречу восьмилетнему мальчику. Я не знал его фамилию, в том возрасте она ни к чему, но то, что его звали Лёней, помнил.

– Знаешь? – Он прямо подался ко мне и перешёл на шёпот, словно его сведения были секретны и разглашению не подлежали. – Нас в учебке продержали только два месяца, мы приняли присягу и сюда, я даже и прыгнуть не успел. – В последней фразе не было ни разочарования, ни досады – так, подчеркнул, словно отмахнулся в обиду.

Его история напомнила мне недавнюю встречу с “землячком”, который по сути и содержанию как две капли воды был похож на этого Лёню.

– Так! Хули встали! – Голос ворвался в открытую дверь, за ним в кубрик вскочил тот недавний солдат, который поразил меня своей взрослостью. – К бою, с-с-суки! К Бою!

Свороб рухнул, как подкошенный, и принялся елозить по полу, изображая деятельное отжимание, которое я мог бы

назвать не более чем потугами. До момента его броска я продолжал держать его за рукав бушлата, и это чуть не опрокинуло меня на пол, на него.

Пока я разговаривал, наши парни уже успели снять с себя шинели, а некоторые уселись на пустые прикроватные табуретки.

Крик ворвавшегося солдата, вернее, здоровенного мужика в солдатской повседневке с погонями цвета выцветшего хаки и эмблемами десантника на петлицах, заставил всех встать и плотно заполнить проход.

– Что, блядь, не поняли, что сказал?! – Он двинулся по направлению к первому, кто стоял у него на пути, и ударил в грудь.

Удар был несильным, но из чувства опаски Чалый решил сымитировать поражение и присел. Я знаю мощную грудь Витька – её и кувалдой не прошибёшь, но его всегда накрывало чувство опаски за дальнейшие события. А событиям, по воле характера, он мог противостоять только коллективно.

Ещё один шаг и кулак уткнулся в грудь Целуйко, который пропустил удар мимо себя, так как в совершенстве владел приёмами самообороны. По сути, Серёга мог бы уже в этом бою прекратить наступление, чтобы наш совместный уговор, который состоялся на рассвете того же дня, остался исполнен.

Я не буду вдаваться в подробности и обвинять всех. Отступлю и скажу так, зная теперь уже всю армию до конца –

нас бы всё равно положили, но совесть была б намного чище, чем она осталась. Короче, соревнования нет – Серёга Целуйко и Димка Смирнов легли и стали качаться, и тем самым согласились быть Слонами войск ВДВ. Чалый, сделав секундную паузу, также поддался ложному чувству товарищества. За ним пол украсили статисты, потом Ваня, и только я остался стоять возле окна, отделённый телами своих сослуживцев и уже упавшего в изнеможении на пол Лёни.

– А ты что?! Самый борзый?! – Мужик, наступая на руки и пробираясь сквозь качание тел, двинулся на меня.

– А ты что, нет?! – Меня прорвало, и я готов был схлестнуться.

– Шухер! – Дверь приоткрылась и быстро щёлкнула на место.

– Встали все! Быстро! Быстро! – забеспокоился он, рванулся к первой двухъярусной кровати, лёг на неё и замер.

Пакостливый страх, с которым он произвёл свои маскировочные действия, полностью вымарал ту разницу, которая нарисовалась в свете прожектора, освещавшего плац.

Тела раздавленных собственной совестью солдат медленно стали вставать. Мне, оставшемуся непоколебимым и тем разорвавшему прежние связи, вдруг стало стыдно за всех находящихся здесь, и даже за этого, спрятавшегося в углу...

– Ну чё, блядь, не торопимся! – шикнул со своего места воин. – Быстро встали!

Скорость обратной реакции увеличилась в разы. Свороб,

как змея, проскользнул к двери и исчез.

...Тридцать лет, прошедшие с той памятной качки, не могут собрать нас воедино. Всё произошедшее позже не так существенно, как описанное сейчас. И мы не одни в этом море бесконечного повторения. Каждый из участников того события в будущем будет выкорчёвывать из себя эту слабость, пытаясь залить её горем следующих поколений.

Я не эксклюзив, но никогда белый свет не увидел бы моих произведений, если б в тот день я лёг²¹ и отбил от пола первые «Раз два!».

А вы не задумывались, почему так мало армейских связей в сети «одноклассники»?! И почему так мало произведений по этой теме? А если кто и напишет, то это, скорее всего, будет пафосное оправдание и даже гадостное обтягивание с пачканьем остальных, нежели откровение, вырвавшееся из груди!

Причина всё та же – совесть!!! От неё можно отвернуться или спрятаться за углом, но всё равно умрёт она только с тобой...

²¹ Лёг – это лишь так говорится, но на деле ты должен рухнуть в упор лёжа на кулачки и сделать два начальных качка самостоятельно, а если твой истязатель не начнёт считать, то продолжать интенсивно отжиматься, пока он не соизволит начать отсчёт. Обычно счёт начинается после восьми-девяти качков. У многих руки к этому моменту устают, а зад проседает до пола. Счёт не только задаёт ритм, но заставляет выпрямить тело, так как последующей цифры ты не услышишь пока не выполнишь часть упражнения до конца...

Махнём, не глядя

Вошедший старший лейтенант Кубраков застал сломленное отделение русских десантников, до автоматизма наученных убивать врага, но не сумевших постоять за себя перед одним «своим».

Меня же съедала злость – она рвала душу и требовала матч реванш, так как я сам должен был броситься в его сторону, а не дожидаться, когда тот до меня доберётся. Одно я знал точно, если б он дошёл, то бой бы он принял. Но что это «БЫ» по сравнению с произошедшим?!!

В считанные секунды я стал «не как все», и только тоненькой ниточкой тянулась связь с испарившимся из кубрика Лёней, который утренней клятвы не давал и посему её не нарушал.

– Ну, что задумались? – Кубраков оглядел расположение и, покосившись в сторону занятой кровати, возмущённо задал вопрос: – Нуфер?! А ты что здесь делаешь?! Что, взвод перепутал? А ну выметайся!

Воин молча, без излишних огрызаний и уговоров удалился из кубрика, оставив нас с офицером наедине.

– Так, вольно, садитесь! – Вероятно, взводный подумал, что наше стояние есть приветствие старшему по званию, отчасти он был прав, но...

Выудив из-под кровати объёмный чемодан и открыв его

замок маленьким ключиком, он принялся переключать в нём вещи и, взяв с собой некую нужность, удалился.

Пауза, наступившая после оставления нас наедине с самими собой, была настолько давящей, что я, чтобы не вглядываться в ускользающие взгляды сослуживцев, отвернулся и посмотрел в окно.

На фото – Вновь испечённые Деды: Слева на право – стоят: В. Шиханов (Шихан); В. Кирьянов (Кирей, Киря); М. Анциферов (Анцифер, Анциф); А. Цапаев (Цыпа); присели – В. Филиппов (Филя); Ф. Лелик (Леля); В. Кучеренко (Кучер);

Снимает В. Пастухов – всё они основные деды! Форма одежды и головного убора подчёркивают, что все до одного – Деды!

А за окном был партер. Почти все участники недавнего ротного построения стояли напротив окна и наблюдали за происходящим в кубрике переполохом. На переднем плане были высокий младший сержант и плотный солдат, напоминавший своим видом откормленного Смоленского цыгана.

Тут же, но чуть поодаль, стоял Кучер, опершись на локоток Вовы Шиханова, а внешне зависимый Свороб стоял подле них и, казалось, ждал указаний. В этом театре было сразу видно, кто какую роль играет. И их коллектив был разбит на Первый, Второй и даже Третий. Кого-кого, а вот Третьих в Афганистане я меньше всего предполагал увидеть. И пусть я тогда не знал об извечном сообществе трёх, но про отстой, создаваемый любым коллективом, можно было не догадываться – он был, есть и будет. Но чтобы здесь?! На войне?!

... Эх, дать бы время подумать, чтобы сообразить, взвесить всё, успокоиться и со знающими переговорить...

Высокий младший сержант ткнул в мою сторону пальцем и что-то сказал цыгану. Тот пристально посмотрел на меня и, подняв к челюсти кулак, изобразил удар по ней, словно давая понять, что меня будут учить или лечить.

Тоска, невероятная тоска вползла в мой тельник и принялась холодить душу.

«Ма-а-ма!!! Ну куда меня прислали, они здесь все ненормальные и идиоты!» – Захотелось поднять к лицу ладони, брызнуть слезами и заголосить.

Дверь в кубрик приоткрылась, и на пороге проявился старшина.

– А что вы ещё не переоделись?! – заявил он с претензией, будто мы имели на то уже определённые указания. – А где Шиханов!?

Он посмотрел на меня в упор, так как после только что состоявшегося конфуза наша команда распалась, ушла в себя и, опустив головы, удалилась от центрального прохода в сторону прикроватных тумбочек. Получилось, что в центральном проходе стоял я один, мне и следовало отвечать.

– А он вон, с Кучеренко на улице стоит, – показал я за себя, откинув большой палец в сторону окна.

– Какого хуя, там?! – Он ринулся по проходу в сторону окна, от которого в спешном порядке разбегались наши недавние зрители. На дорожке остались только Кучер и Шиханов, за спину которого спрятался Свороб.

Старшина подошёл ко мне вплотную и, нагнувшись в сторону, махнул Шиханову рукой. Тот, включив ускоренный шаг, скрылся за углом модуля и через мгновение вошёл в кубрик.

Все действия в партере освещались несколькими светильниками, которые были закреплены на крыше модуля. Они освещали дорожку, идущую от плаца вдоль модуля в тем-

ноту, которая за пределами части превращалась в равнину, освещённую луной и мерцанием отдалённых свечей²². Конца ночного простора было не видно, но некое строение, отстоящее от колючей проволоки метров на сто, просматривалось отчётливо. Меряя мир детскими шагами, я бы сказал про него – крепость.

– Так, Вов, кончай смотреть концерты, – прапорщик словно знал о произошедшем три минуты назад, – давай, выдай им подменку, а парадку прими. И бля, смотри у меня! Не дай бог, что из их вещей в Союз не с ними улетит, яйца отрежу и заставлю сожрать прям перед строем!

Самодовольная улыбка Шиханова была ответом ушедшему старшине.

– Как тебя?! – Вова ткнул в меня пальцем и, не дожидаясь ответа, стал разворачиваться на выход. – Возьми ещё одного и – за мной.

Я был рад. Мне было без разницы, кто и зачем меня увлекает, только бы не оставаться в этом душном от совести кубрике, так как после молчаливого замешательства всё равно все начнут поднимать глаза, и меньше всего я хотел бы быть центром их скошенного взгляда.

– Ваня, за мной, – выпалил я и помчался вон из этой среды всеобщего стыда.

Почему Ваня? А потому что с большой долей вероятно-

²² Отдалённые свечки – в Кабуле было электрическое освещение, но его предместье электричества не имело и освещало себя по-иному...

сти он упал просто за компанию, но если б он видел меня неуроненным²³, то, проявив сомнения, остался бы стоять – таков Ваня, и я это знал наверняка!

Коридор, вернее, взлётку накрыло сумраком, словно освещение было не рабочим, а маскировочным. Стены, оклеенные розовыми, отдающими больше в красноту обоями, съедая свет, растворяли его в себе, наводя тоску, и сжимали сердце – вот сейчас за многими из этих коричневых дверей происходит слом и показное качание, а может, даже истязание всевозможных «Своробов» и вновь прибывших на ротационное пополнение элиты Советских войск!

Каптёрка роты была почти напротив нашего кубрика. Вторая дверь со взлётки выводила на другой торец здания, где возле освещённого тусклым светом крыльца начиналась ночная пустота, которую можно было разглядеть, только погрузившись в неё и отойдя от модуля метров на пять.

Каптёрка третьей роты была размером с кубрик, её стены оставались первозданно фанерными, так как основным убранством её были два стеллажа высотой до потолка и глубиной в метр. Эти стеллажи стояли вдоль глухих стен и простирались от коридорной стены до окон. Единственная лампочка без абажура или со стандартным во всех помещениях шарообразным плафоном наводила в этом военном складе

²³ Неуроненный – не уронить честь, не уронить чести знамени... (жаргонные слова из речей замполитов). Меня не уронили, он себя не уронил – не запятнал себя, проявил стойкость (солдатский сленг).

тени, превращая разложенные на полках вещи в неизведанные закрома. Маленький письменный стол, стоявший сразу возле входа, размещал на своей плоскости пачки сахара рафинада и плотные брикеты сигарет. Места на нём практически не было, разве что небольшой пяточок для листка бумаги и всё.

Я вошёл в каптёрку и, чтобы Ваня не заблудился, оставил дверь открытой.

– Ты, – Шиханов выразил такое беспокойное раздражение, что я даже обомлел, – ты что, в подъезде родился?! Дверь закрой!

– Так шас Ваня и закроет. – Ей богу, было странно увидеть в этом уверенном в себе солдате то беспокойство, которое он сейчас проявил.

– Кто открывает – тот и закрывает! Понял?!

– Понял, – успокоил я его и потянулся к дверной ручке, но на пороге уже стоял Ваня.

Он, в свойственной только ему манере отрешённости, замер. Каждое Ванино замирание было сродни очарованию. А если он очаровывается, то его ни прошибить, ни сбить с места нельзя, можно только отодвинуть и сделать дело за него – так будет верней, надёжней, а, главное, быстрее. Если ротный вещевой склад был для меня всего лишь местом временного хранения вещей, то на него он подействовал, как на Али Бабу пещера с награбленным разбойниками золотом.

Но сдвинуть Ваню, не расплескав остатки его очарования,

трудно – он, пришедший в армию из деревни подростком, за полгода учебки только-только стал юношей и когда теперь станет мужиком, который перестанет удивляться и скрывать свои потаённые чувства от других – неизвестно!

Я потянул Ваню на себя, он не поддался, тогда я протиснулся в коридор и, как бульдозер, запихнул его вовнутрь, чтобы потом закрыть дверь. От перемещения он не очнулся, а даже наоборот, окаменел. Удивительным было и то, что Шиханов, набросившийся на него со своим словесным поносом, тоже никак не мог побудить его к действию – Ваня впал в ступор.

– ...Ты что, дух! – Шиханов придвинулся вплотную и, опасливо кидая взгляд на всё ещё открытую в коридор дверь, возопил: – Ты что, не слышишь?! – Он словно чего-то или кого то боялся, но не думаю, что предметом его опасений был я.

Он ударил Ваню в живот, тот слегка согнулся, крикнул и выпрямился. Теперь Ваня начал оглядываться. Кризис миновал, и он стал приходить в норму.

– Ты что, тупой?! – Я не видел выражения лица Шиханова, так как Ваня загоразивал его своим телом, но думаю, что свирепость, с какой это было сказано, выступила пятнами на его лице.

Только содрогание Ваниного тела, которое с быстрой периодичностью передавало удары от груди к спине, показывало, что его сейчас бьют.

– К бою! – Вова перешёл на истошный крик. – К бою, суки! К бою!

Ваня рухнул, а я стоял, соображая: «Вот это он кому сейчас это говорит? Если он чуть выше и плечистей – это ещё не аргумент, чтоб положить меня “К бою!”!!!»

Конечно, я напрягся, и в душе заглодело, но я умел упираться не хуже Вани, только мне для этого ступор был не нужен.

– Чё орёшь?! Ты это кому?! – Я уже и сам орал, так как в стрессовых ситуациях тихо вести себя ещё не умел.

– Что?! – Он двинулся в мою сторону и резко остановился.

Открывшаяся дверь потянула за собой воздух и подсказала, что сейчас в неё кто-то войдёт.

– Эй, – Шиханов воровато обернулся и пнул Ваню снизу под рёбра, – быро встал!

Ваня встал моментально – что что, а на всевозможный шухер наша реакция была безупречна. Даже этот пинок в бок был излишен, так как вшитая в учебке условность²⁴ подняла бы Ваню до того, как старшина роты вошёл бы в дверь.

– Ну что, Вова? Я так понял, ты в кино сегодня не пойдёшь?! – Старшина отодвинул меня, как занавеску, в сторону и прошёл вовнутрь. – А этот что здесь делает?!

Ваня стоял в двух метрах от порога и, добродушно улы-

²⁴ Вшитая в учебке условность – каждый кто покупает теперь телефон, вместе с прибором приобретает и вшитую в него операционную систему. Подобное происходит и в учебке, которая буквально прошивает курсантов системой армейских условностей Неуставняка...

баясь, демонстрировал свою лояльность к новой власти.

... Мне повезло дважды – я до армии прочитал «Бравого солдата Швейка» и потом увидел его воочию. Может, потому Ярослав Гашек и не закончил свой фоллиант, что его герой, провалившись во времени, застрял рядом со мной?! В Ване, как и в его прототипе, не было ничего личного, он был настолько откровенен и изначально чист, что возмущение командиров в его присутствии превращалось в поглаживание по голове, а залёт у Дедов – в словесную вычитку прописных истин армейского неуставняка...

– Ну вы чё, блядь?! Не понимаете, чё ли?! – Старшина быстро подошёл к Ване и, схватив его за шкуру, притянул к тому месту, где стоял я. – Шиханов, я же говорил, что дальше линии стола никто заходить не должен! Ты что, издеваешься что ли?!

– Да нет, товарищ прапорщик! Я просто хотел ему стопкой выдать подменку. Что мне её самому носить что ли?!

– А хотя бы и самому! Два метра, блядь, не рассыплешься! – Лицо прапорщика побагровело, и даже тусклый свет каптёрной лампы не спрятал румянец его неудовольствия.

– Ну ладно, – не по уставу согласился Шиханов и, отсчитав, выдал нам две стопки повседневного обмундирования. – Так, отнесёте в кубрик, и пусть каждый подберёт себе по размеру. Один пусть вернётся за нательным бельём.

В кубрике уже была ярмарка. Четыре мужика, явно уже уволенные в запас, собирали тельники, а взамен разбрасыва-

ли майки или зашарпанные и линялые тельники.

... В десанте есть два вида тельников. Это полосатое настельное бельё в простонародье называют без разбора тельником. Согласно товарному талону и форме они делятся на майки и фуфайки. Форма майки вам понятна, она применяется в тёплое время года, а вот фуфайка и есть сам тельник – он плотный, с присутствием шерсти и с длинными рукавами. Вы и сейчас не купите настоящий тельник – вам вручат вязкое говно, а вот армейский десантный тельник (думается, что и морской) – это эксклюзив, который охота иметь при себе всегда. Нет лучшего подарка братишке и чести тебе – носить его!...

– На, – мне в лицо прилетела майка, – быстро тельник давай!

Наши парни уже стояли с голым торсом и сиротливо примеряли обноски.

– Что это? – Я держал заляпную вещь и не понимал, как эту ветошь можно носить?!

– Хули, что?! Свой тельник снимай, надевай этот!

– Сам носи! – Я бросил майку в обратном направлении, но она, не долетев, упала возле ног её первообладателя.

– Ты что, блядь! Пизды хочешь? – Свирепость стоящего мужика была неподдельной, тем более что в спину ему дышали ещё трое!

– Нет, только это майка, а на мне – тельник! – Стрессов было достаточно, и в какой-то момент времени я уже готов

был сдаться.

– Хуй с тобой! Поноси пока свой, при первой бане тебе его обменяют на поношенный, и ты будешь как все, – примирительно заявил просящий. Его напор спал, а голос перешёл на уговор. – Тебе, на хуй, какая разница? А твой тельник полетит на гражданку и украсит достойную грудь дедушки. Дедом станешь – свой тельник отобьёшь. Понял?!

Аргумент был ясным, но всё равно?!

– Нет, – отрезал я, – тельник поменяю только на тельник. И то, если он будет достойным.

– Хорошо, – подытожил дедушка и, подобрав брошенную мной майку, удалился.

Смотреть на наших было и смешно, и жалко. Майка, доставшаяся Чалому, едва доходила ему до пуза. Нет, пуза у него не было, ну просто представьте, что это так и улыбнитесь. У некоторых были реальные или, как сейчас бы назвали, креативные дыры.

– Так, воины, – Вова Шиханов самолично принёс стопку кальсон и положил на первую табуретку. Он на секунду оцепенел от увиденного, а потом, оценив внешний вид пораженцев, подавил улыбку и приказал: – Скидывайте свои трусы, и все одевают подштанники!

Нательное бельё было выдано нам как полугодовой комплект обязательного обмундирования. Мы смеялись над тёплыми подштанниками белого цвета, так как наше первое полугодие прошло в армейских трусах, а вид этого элемента об-

мундирования напоминал фильмы про Отечественную войну, когда белые драпали от Чапаевцев, ну или наоборот!

И вот теперь нам приказывают переодеться в них и, сбросив свою гордость, подчиниться. Смешно по первости, тошно от стыдливости, но вполне практично с точки зрения гигиены и теплоты. Повседневная форма одежды своего состава не меняет, она едина во все времена, и только нижнее бельё защищает твоё тело от мороза и всевозможного натирания грубой тканью обмундирования.

Умея быстро одеваться, мы в считанные секунды приобрели вид пораженцев в подштанниках, а затем, поковырявшись в стопке подменного обмундирования, каждый, подобрав под себя повседневную форму, окончательно растворился в единообразии принявшей нас части.

– Так, – на пороге кубрика появился Кучеренко, – надели бушлаты, взяли табуретки и – строиться на плац.

С нами из Каунаса прибыли и наши бушлаты, которые выдавались сроком на один год. Мы подвязали их на свои РД и злились на них, так как они портили наш лощёный выпускной вид!

– Ты, – Шиханов ткнул в меня пальцем, – останься, сможешь прибраться. Потом я тебя отведу.

Что что, а команды нас научили выполнять слаженно. Кубрик опустел, и мы с Вовой остались вдвоём.

– Тебя как зовут? – Шиханов проявил действительный интерес.

– Саня.

– А фамилия?

– Куделин.

– Послушай меня, Саня Куделин! Ты сегодня уже дважды отличился, смотри – нас много, и мы тебя сломаем, а если не сломаем мы, то тебя доебут свои!

– Пусть попробуют, – негромко огрызнулся я и отвернулся.

Предательство слёз известно всем. Они так неожиданно наполняют твои глаза в надежде освободить породившие их железы, что это приводит к замешательству. Вроде и не слабость вообще, но их появление порой так нежеланно, что впору сквозь землю провалиться!

– Ты что думаешь, и меня не ломали? – Он постарался заглянуть мне в глаза, но я усилил свой отворот. – А я, между прочим, кандидат в мастера спорта по борьбе!

– Ну и хули, а я по боксу второй юношеский имею, но мне и этого достаточно. – Я, наконец, справился с недугом, а непрошеную влагу просто смахнул рукой.

– Ты зря. «Тебе с нами жить», – почти примирительно сказал он.

– Слушай, Шиханов, я пришёл служить и в будущем буду офицером, и никто мной управлять не будет!

Вова чуть замаялся и посмотрел оценивающе.

– А, – подытожил он, – ну посмотрим!

Под его надзором я молча собрал всё парадное обмунди-

рование и шинели, потом все РД и перенёс в каптёрку. Разместив всё по назначенным каптёром полкам, я был удостоен первой пачки сигарет из положенного солдату армейского пайка, но можно, я расскажу о них потом, а то этот день ну никак не может закончиться.

«В жизни не было у меня длиннее того дня, он вобрал событий больше, чем жизнь отдельного человека».

– Давай, бери табуретку и пошли.

– А куда?

– В кино! Но сначала в столовую, вам там чай с бутербродами оставили.

Покинув модуль и отойдя на пару шагов от освещённого плаца, мы попали в объятия ночи. Луна, спрятанная за плотным покрывалом облаков, только давала понять, где верх или низ, а горы удлиннились к небу так, что я впервые осознал свою малозначимость в этом подлунном мире!!!

Дорожка, по которой шагал Шиханов, шуршала мраморным отсеком. Что он видел и как, не знаю, но, вероятно, опыт и наитие вели его к недавнему плацу полчка. Чуть позже и я разобрался в прямолинейности замыслов дивизионного дорогоустроителя, а тогда я шагал по Афганской земле в неизвестном направлении, и только окна далёких палаток подсказывали, что эта земля обитаема. При отсутствии луны в той дивизии всегда было мало света, и только строительство модулей преобразило эту страну спартанцев и римских легионов.

Кино смотрели прямо на плацу. Солдаты стайками сидели на табуретки. А машина кинопередвижки, выпустив из себя луч, проецировала фильм прямо на стену клуба. Только дождь мог помешать смотреть привет от цивилизации, но зато курить можно было в полную силу, что все и делали, обсуждая женщин, смеясь над манерами персонажей фильма и освистывая неумелых женишков. Кино – это был настоящий праздник. Оно было по субботам, воскресеньям, а иногда и в среду.

Но до кино был ещё один стресс – столовая, в которую я зашёл попить чай и съесть сырой хлеб с маслом!

Три палатки в ряд и каменный сарайчик – это и была столовая батальона связи. Тоска и холод, затхлый запах гнилых овощей и голод – вот что навеяло мне первое её посещение. Но день кончаться никак не хотел, а до отбоя следовало дожить, хотя сил уже не оставалось.

Вечерняя поверка проходила на взлётке. Нас уже расставили по взводам, перемешав с личным составом роты.

В третий взвод попали я, Смирнов, Чалый, Ваня и Рома. Остальные были рассыпаны кто куда.

Но перед самой проверкой, когда наш строй только формировался, передо мной выскочил тот недавний цыган и с напором потянул за фанеру.

– Ты что ли к бою не ложишься?!

– А что нужно? – Если честно, я уже устал от их соблазна меня положить.

– Ну да! К бою! – сказал он полушёпотом.

Реакции от меня он не получил никакой.

– Ты чё, с-сука! Решил борзеть!?

Моя фанера приняла удар, но давний опыт не дал боли достичь цели. Закрыв плотной стеной этого одинокого бойца, его сослуживцы постарались спрятать саму сцену расправы над неподдающимся вразумлению бойцом.

Удар эффекта не дал, но присутственное место требовало скоротечности события, и он выкинул кулак по направлению к моему подбородку. Уйдя в сторону²⁵, я резко нанёс ответный удар в грудь соперника. Тот, словно споткнулся на бегу – ослаб и присел, а высокий сержант, стоявший с ним рядом, ухватил его за пояс, чтобы спасти от падения, и оттащил от меня.

– Вдова?! Юр, ты чё?! – Изумлению младшего сержанта не было предела.

Он словно не мог понять, что вот так просто один молодой может ударить своего Деда. Ну и мне было тоже невдомёк, что они так все навалились на меня?!

Теперь то понятно, что им было важно в первый же день сломать нас всех – всех! без остатка, чтобы потом, пережевав наши внутренности, наполнить их калом собственного стыда. А у меня, как назло, опять не получается подчиняться

²⁵ Уйдя в сторону – никуда уходить не надо – это выражение боевых видов спорта. Достаточно тело развернуть вдоль оси и чуть качнуться в одну из сторон...

– ну просто никак! Во мне сидят недавно выученные блоки самообороны и приёмы боевого каратэ, которыми нас шпиговали каждый день и не по одному занятию, а порой даже по три – час каждое! А здесь против меня поставили хоть и немного крупней, но в этом вопросе явного дилетанта – он думал, что русского десантника вот так вот запросто, наскоком можно срубить?! Ну уж нет!

Меня трясло от возбуждения, виски пульсировали, и силы требовали исхода, но всеобщее замешательство прервал ротный старшина.

– Так, что за дела?! Третья рота, на вечернюю проверку становись!

Недолгое мельтешение в коридоре и рота стоит, ожидая переключки.

– Младший сержант Кучеренко!

– Я, – ответ без напора и рвения.

– Выйти из строя и провести вечернюю проверку.

– Есть.

Взяв журнал проведения вечерней проверки, Кучеренко начинает повзводно зачитывать фамилию каждого. Правда, иногда вместо фамилии он называет имя и отчество.

– Сергей Анатольевич! – Кучеренко поднимает глаза от списка и трогательно смотрит в сторону Сергея Анатольевича.

– Присутствует, – зевая, проговаривает тот.

– Когда вы только нас покинете? Сергей Анатольевич!

– Ой, и не говорите, товарищ младший сержант Кучеренко, сам уже заебался видеть ваши десантные рожи. Ох, скорей бы уж!

Кучеренко улыбается, все одобрительно вздыхают и ждут следующей фамилии...

Старшина отошёл в сторону и, не обращая на нас внимания, занял себя разговором с другим старшим прапорщиком, который вместо ответа качал головой, как бы со всем соглашаясь.

– Целуйко! – Кучеренко делает паузу на фамилии вновь прибывшего, чтобы каждый из роты запомнил её носителя.

– Куделин!

На мне пауза была особо длинной.

– Я!

– Головка от хуя, – парировал Кучеренко, – ты, я вижу, хочешь быть заёбан по уставу?

– Могу и по уставу! Вы то хоть его знаете?

– А что, ты один такой умный?

– Похоже, что да!

– Ну-ну, попизди, попизди!

– Не понял вашего приказания, товарищ младший сержант не моего взвода! – Меня попёрло.

Мой отпор – это не отвязность собственной души, а реакция на противостояние всей роты в целом. Пауза, всего лишь пауза для мысли могла сломать меня пополам, но напор, который стал оказывать на меня коллектив, породил проти-

востояние и неприятие его внутренних устоев.

Достойный ответ любому, возомнившему себя полководцем, сработал моментально. Устав – это в первую очередь субординация, набор определённых правил и стандартных команд. Им можно только вымотать, но заебать?! Ну никак!

Они ведь не знали, что я, почти полгода назад, всю роту посадил за чтение устава, и многие из нас воспользовались им как средством спасения от беспредела.

– ...Чалый! – Кучеренко не нашёлся, что сказать и продолжил чтение списка.

Отбой был недолгим.

У меня не было выбора – мне определили место на койке снизу, но я, наплевав на это, разместился на верхнем ярусе посредине ряда.

Глаза уже приняли мрак, усталое тело стало нагревать сырость постели, а мозг, отгородившись от реалий, проваливался в яму небытия...

– Куделин, Саня, Саня Куделин!

Кто-то тряс меня за руку и старался разбудить. Сон не отпускал. Провал был настолько глубоким, что я попробовал проснуться там – во сне, но настойчивость была такой, что пришлось уступить и проснуться здесь.

За руку тряс Чалый, его лицо осветил прожектор, который, отразившись от законной местности, прошмыгнул в кубрик и дал каждому предмету тень.

– Чё!

– Хуй через плечо! – подал голос с ближней к проходу кровати недавний проситель моей тельняшки и, не переводя духа, начал монолог: – Вы что думаете, я не был Духом и Слоном? Был! Только в отличие от вас я не жил в модуле, а ковырялся в грязи палаточного городка! Вы даже не представляете, что такое жить зимой в палатке, топить соляркой печь, не спать и следить за ней, чтобы не потухла или, чего хуже, чтобы не наделала пожар! Бля, парни, вам просто повезло, что вас вот так вот встречают! Вас сразу в чистый модуль, на кровати, под чистую простынку! Зимой спишь и встать поссать боишься (чего он боялся, я не уточнил). С-сука, дневальный проспит – утром проснёшься под коркой инея, а нет – так в саже. Единый хрен – всё край получается. Вон, вторая рота и сейчас ещё так живёт, спросите их Слонов, как им там! Я вообще, пацаны, не об этом хочу сказать. Вот завтра я уеду, и вся эта грязь останется у меня позади. Пройдут года, но я всегда буду помнить наше армейское братство. Чтобы ни случилось, мужики, не стучите! Ведь стук, это в первую очередь пятно на твою честь. Ну стуканёте вы, ну отсидит ваш дедушка на губе и выйдет. Дембель, я сам теперь знаю – он ведь неизбежен! Но вот, когда придут ваши духи, и вы захотите ими зарулить, у вас не будет на то морального права. Смотрите, мужики, не ссучивайтесь, эта армия не нами придумана и не нам её упрощать!

Он быстро встал и вышел.

«Блядь, ещё один доброхот с хорошими манерами! –

Мысли отогнали сон и стали маять мозг. – Вот тебе ярмо, сам оденешь и подашь телегу к парадному входу».

Чистота дыхания и ни единого поскрипа кроватей подсказывали, что взвод мыслит и не спит. Каждый, невзирая на свой год службы, домысливал сказанное Сергеем Анатольевичем, который через день покинет эту часть, чтобы рассказывать, как он воевал, защищая страну, грудью тараня Афганские горы – пойди и проверь!

Однако решение, принятое не мной, а насаждённое этим днём, уже было во мне, и я заснул раньше других.

– Саня, Саня, Саня, – кто-то опять хотел вернуть меня назад.

– Пошёл ты на хуй! – почти крикнул я. Воистину это испытание, когда тебе не дают заснуть.

– Тихо, ну ты чего?

– Чего?! – Шёпот будившего не пробуждал во мне ничего, кроме отвращения или отторжения.

– Саня, ну что насчёт тельника?

– Какого тельника?

– Ну твоего. На, я вот принёс другой. – Он сунул мне под нос свёрнутый в несколько раз тельник.

– Оставь, завтра. – Я отвернулся и уснул, теперь уже окончательно.

Я помню тот сон. Он был, как сломанная пластинка, которая повторялась, не давая событиям поставить точку, чтобы перелистнуть эту страничку жизни. Но он был более мир-

ным, чем все последующие.

Питекантропы

«Рота, подъём!» – Ничего нового – всё так же.

Ты секунд за десять до этого возгласа уже проснулся и только собираешь воедино мысли, чтобы затем открыть глаза и вскочить.

«Стой!» – очнувшаяся память напомнила, что я на втором ярусе.

– Рота, подъём! – это уже не из коридора, а из проёма открытой в кубрик двери.

Памятью казус Егоршино, я поднял корпус и замер, ожидая движения нижних тел.

– Алё, наверху, – снизу через матрац кто-то ткнул, – что там? Прицелился что ли? Давай спускайся!

Я спустил ноги вниз, повис и, задержавшись на руках, соскочил на линолеум пола.

Внизу под моей кроватью, вернее, на нижнем ярусе, лежал и улыбался вполне уже оформившийся мужик.

– Ты чё такой нерасторопный?

– Ну почему нерасторопный, скорее аккуратный, – улыбка на моем лице, – боялся тебе шею сломать.

– Это правильно, – он улыбнулся ещё шире, – только у нас сначала верхние прыгивают, а потом нижние встают.

– Ты откуда?

– С Каунаса

– Сам откуда?

– С Урала.

– Ух ты, и я из Первоуральска!

– Класс, а я из Свердловска!

– Саня, ты что тупишь? – Дверь кубрика резко приоткрылась, в неё просунулась голова Димы и, не скрывая раздражения, выпалила: – Все уже построились, тебя ждём!

– Воин, закрой пасть и дверь, – не поднимая головы с подушки, проворчал командир взвода Кубраков.

Дверь вмиг закрылась, и комната наполнилась тишиной, смешанной с коридорным гулом.

Выбежав из кубрика, я двинулся направо в сторону вчерашнего плаца и, уже пробегая комнату дежурного по части, уткнулся в пожилого полного прапорщика.

– Ты из какой роты? – Напор своего вопроса он запечатал восклицанием: – Воин!

– Из третьей, – отрапортовал я и двинулся в сторону открытой двери на плац.

– Тихо, мила ай, тихо! – Он ухватил меня за рукав тельника, зацепив вместе с тканью и кожу.

– А в чём дело? – Я выдернул ошпаренную болью руку.

– А тебе не сюда! – Он закрыл проход своим толстым телом.

Сразу оговорюсь, в десанте есть толстые, жирных я видел только дважды, но про них не сейчас.

– А куда?! – Воистину запаникуешь при такой шараде.

– В жопу! – произнёс он громко, совершенно не стесняясь собственного эха.

«А не пошёл бы ты туда сам!» – хотел я огрызнуться, как крик от другой двери модуля уберёт меня от конфликта.

– Куделин, ну ты где заблудился? – В противоположных дверях стоял Шиханов.

– Вова, забери-ка своего бёрзова и объясни своей молодёжи правила общежития!

– Куделин, давай быро!

Я рванул в противоположную дверь и, увлекаемый спиной Володи, побежал в сторону плаца, обогнув модуль по фронту окон взводного кубрика.

Рота выстроилась на вчерашнем месте, вот только численностью значительно меньшей, чем на вечерней проверке.

Кучеренко стоял перед строем и с недовольным видом ждал моего прихода.

Я отбил положенные три шага и, встав напротив него по стойке смирно, как положено проголосил: «Товарищ младший сержант, разрешите встать в строй!»

– А чё! Не высыпаемся? – Кучеренко смотрел испытующе.

– Никак нет, – начал я, – но меня...

– Кучер, он на Булина налетел, – подал голос подошедший Шиханов, которого я в своём рвении встать в строй обогнал на полпути.

– О-о-о!!!!!! – Продолжительное, безнадёжное, обречённое, сочувствующее, печально понимающее и даже троган-

тельное «О» вырвалось из груди старожилы нашего строя.

Кучер вмиг сник и, не найдя новых причин для моей первой выволочки, скомандовал: «Встать в строй!».

Чёткость выполнения строевых команд была прошита в нас учебкой, но в этот раз меня пошатнуло. Вчерашний «радушный приём», напор и противостояние, сгустившиеся вокруг меня, совершенно зашорили мои глаза. Я, конечно, видел все переодевания моих сокурсников, но масштаб их трагедии для меня был налицо только сейчас.

Все в полинялых, застиранных тряпицах, которые можно было назвать скорее ветошью нежели тельниками. Если б это были не мои недавние сокурсники, я бы рассмеялся, а так я еле скрыл улыбку.

– Что ты, блин, смеёшься?! – со злостью воскликнул вчерашний высокий младший сержант.

Я не стал реагировать на его потуги, а продолжил движение в сторону моего места в строю. Да и места то ещё не было. Я просто прошёл на край строя и встал в конце.

В десантных войсках и у понтонёров, хотя, я думаю, везде, в задней шеренге следуют дембеля или дедушки. Но в этот раз это место было моим. По воле случая я, встав там, там и остался. Исключение составляли лишь только те моменты, когда я был старшим по строю.

– Нет, ты что, ахуел?! – Длинный выскочил из строя и направился ко мне. – Ты чё, блядь, не слышишь приказов старших по званию?

Его реакция была быстрее моего движения в строй, и поэтому я ему ответил только тогда, когда встал на место и развернулся. Он стоял, вернее, нависал надо мной, так как был выше меня на голову, но вот телосложение его было, как у гадкого утёнка, которому ещё предстояло обрести форму.

– Не слышу ни одного приказа! – сказал я, поняв, что противостояние уже началось.

Младший сержант мялся, не зная, что делать. Ударить он не мог – боялся, плац был открытый и на нём было не одно наше подразделение, и подать вразумительную команду не мог – её не было. Выручил Кучеренко.

– Младший сержант Киреев, встать в строй.

Тот мялся, на что-то решаясь.

– Славик, кончай бузить, встань в строй.

– Слава, – подал голос цыган, – потом разберёмся.

– К бою, сука! – выпалил Славик.

Меня заело, вернее, упёрло. Ещё мгновение, и он бы увидел, как выполняют настоящую уставную команду «К бою!».

– Ты что, ахуел? – Кучер подхватил его под локоть и буквально втолкнул в строй.

– А что, третья рота уже и на зарядку не бежит что ли? – Дежурный по части стоял на крыльце и разминал сигаретку.

– Рота! – Кучеренко сосредоточился на подаче команд, – Направо!

Команд «равняйся» и «смирно» явно не хватало, так как строй от долгого стояния расстроился, и поворот получил-

ся смазанным, как у допризывников, а не у воинов, готовых идти в бой.

– Бегом! – На эту команду только мы и согнули руки в локоточках, при этом подав корпус вперёд.

– Марш!

Вялое перешоркивание сапог вместо интенсивного начала для задания ритма и полное разочарование всех в готовности совершенствовать себя, чтобы покинуть армию атлантом.

Так, скорее для формальности, нежели для задания ритма, Кучеренко прокричал: «Раз, раз, раз, два, три!», и наша рота, разваливая строй, попеременно растягиваясь и сокращаясь, помчалась в сторону спортивного ядра дивизии.

Спортивное ядро я опишу позже, так как оно, по сути, и есть сердце десантника, а пока – зарядка.

Отмотав некоторое количество кругов вокруг футбольного поля, которые в основном бегали мы и наши сослуживцы, которых мы подвинули на полгода вперёд, рота устроилась недалеко от ряда перекладин, называемых в народе турниками.

Другие роты также были рядом, и каждая в отдельности принялась разминать своё тело. Нелепые дрыганья состава нашей роты меня, да и не только, поразили. Мы привыкли к слаженному первоустройству нашей зарядки – мышцы требовали напряжения, а сущность стремилась продолжать отбивать нападение противника в спецкомплексах десантника за номерами: «Раз», «Два», «Три»!

Однако, нелепые движения рук и дыхательная гимнастика для пенсионеров вообще озадачили меня, и я встал.

Честно?! В этот момент мне подумалось, что я, сойдя с самолёта, заблудился на большом аэродроме, который, ожив, сейчас начинает изрыгать звуки, и попал в какую-то поддельную дивизию, призванную дезориентировать коварного противника. Меня полгода учили, что я в первую очередь – десантник. Моими достоинствами были сила, ловкость, выносливость и умение поражать противника всеми доступными способами! А тут? Зарядка пенсионеров, причём не одной роты, заблудившейся в многочисленности десантной дивизии, а всех! Кошмар!!!

Я встал и перестал делать хоть какие-нибудь потуги.

– А что стоим? – Кучеренко не сразу принял моё стояние.

– Товарищ младший сержант, – мой голос отливало больше надменностью, нежели просьбой, – а разрешите нам самостоятельно провести зарядку.

– Хорошо, – быстро согласился он, – Куделин – старший! Молодые, выйти из строя!

Наша команда быстро перегруппировалась на первый второй, и мы начали зарядку в заданном ритме.

И знаете, пусть незначительная, но всё же кучка наших сослуживцев по роте присоединилась к нам и стала повторять заученные ранее движения, но большая часть оставалась за бортом и с горестью, если не с завистью, смотрела на наши умелые движения, которыми мы противостояли невидимо-

му противнику.

Приятно напряжённые и вымотанные на турниках и брусьях, мы с удовольствием возвращались в часть.

Непонимание расслоения было для меня непреодолимо – так кто же все эти мои будущие сослуживцы? Что вообще происходит? Вчера я заметил, что в них нет напора, который я привык чувствовать в учебке. Но там ведь учителя, а здесь должны находиться асы! Все их тыканья пахнут больше подворотней, нежели напором старших по отношению к младшим?..

– Так, хороши, голубчики, – на плацу нас встретил командир роты, – Кучеренко, всех в строй!

– А отдыхающую и заступающую смену тоже?

– Ты что, оглох от вдруг навалившейся старости? Что, стал дедком – слышать перестал?! – Хряпин свирепел.

– Ну что сразу оглох, я просто поинтересовался, – почти примирительно прошептал Кучер.

– Приказами не интересуются, это не порнографические заметки в путеводителе гомосека, – он подался вперёд и почти прокричал ему в ухо: – приказы выполняют!

...Сейчас образ капитана Хряпина легко передать, так как его последователь в манере общения – это доктор Быков из «Интернов». Порой мне кажется, а не Хряпин ли пишет ему монологи? Именно монологи, так как общения ни у того, ни у другого нет – есть только цель, которую невозможно разглядеть рядом стоящему, пока его не приведут к ней и не

воткнул в неё носом. Другое дело, как представить его тем, кто не смотрел «Интернов»? А просто – представьте интеллигентную старушонку, которая не смогла переустроить этот мир и вымещает своё неудовольствие на каждом, кто у неё под рукой!..

Кучеренко быстро удалился в расположение, точнее сказать, убежал, но не через парадный вход, а через тыловой, который, как я понял, использовали все, а вот парадный – только первая рота и офицеры.

Тот толстый прапорщик с превеликим удовольствием смотрел с крыльца, как за углом модуля исчезает заместитель командира первого взвода.

– Ну что, десантура!? – Хряпин был раздражён до крайности. – Молодые, выйти из строя на три шага!

Ротный строй выпустил нас, мы вышли, отчеканив три шага, затем сделали разворот с приставлением ноги со слегка молодцеватым щелчком.

– Вот! – Он выскочил из-за нас и разместился между нами и строем. – Вот! Гусары! Молодцы!!!

Повисла пауза, томительная и стыдливая пауза, во время которой он пристально вглядывался в наши лица.

– Что?! Я смотрю, вас уже натянули! – Нет красок передать его эмоции, которые отражались на всём: на лице, на руках и даже на теле. – Надеюсь, никто из вас женщиной за ночь не стал? Нет?! Ну, девственность из вас потеряли почти все? Но ведь так скоро и менструация придёт! А после то-

го что?! Правильно, мужской коллектив примет женскую команду в виде молодого пополнения пока ещё девушек! Или всё же уже женщин?!

Он повернулся к строю и подождал, пока третья часть роты, не присутствовавшая на зарядке, займёт свои места. Последним, заправляясь на ходу, подошёл мой земляк.

– Ну конечно, Горбунов – ты у нас самый нерасторопный – наверно, самый незаменимый? Давно на губе не был?! Может напомнить?!

– Не надо, товарищ капитан.

– Что не надо? Ты сегодня где ночевал?

– На ЭПЭСке.

– Ну да, реабилитация после поражения прав?! Водку или спирт не изволили кушать?! – В голосе капитана было достаточно злости и иронии.

В какой-то момент времени мне показалось, что стоит довериться этому человеку, и произойдёт чудо, но внутренний голос тряс за руку и требовал подождать.

– Так, – подытожил он, – в ваших рядах слабоумков появились Питекантропы!

Рота, ранее движимая колебанием воздуха и ухмылками, замерла, словно вот сейчас всем приказали умереть.

– А что вы так удивились?! Тут и пояснять нечего. Вы своей репой даже подумать не можете, у вас, вернее, у некоторых из вас в ней вместо овощной каши понос. Ну так подойдите к зеркалу и поплюйте им в своё отражение!

Паузы, вставляемые в его монолог, нужны были лишь для набора воздуха, которого ему требовалось очень много, так как говорил он пулемётными очередями без перевода духа.

– Вы даже не мародёры! Я опять оговорюсь, что пока не все! Те хоть следов не оставляют – взяли и исчезли! И не дебилы – у них хоть простейшая, но есть всё же защитная реакция! Вы – Питекантропы! Недочеловеки, которые совершенно не различают цвета и не могут предугадать последствий совершённых ими деяний!

Рота молчала, можно было видеть каждого, кто причастен, а кто нет к переодеванию, которое привело к этому маскараду с вступительным диалогом, посвящённым нашему приходу в часть.

– У вас что, полностью отсутствуют зачатки разума? Так как же вы собираетесь на гражданке строгать детей? У вас ведь не получится!!! Там, если знаете, а если нет, то я подсказу, есть две дырки! Так я уверен, что вы попадёте не в ту! И слава Богу!!! У вас не будет вашего продолжения, которое не будет стремиться в десантные войска, чтобы так бездарно мародёрить молодых!

Он не стал продолжать, а, повернувшись к нам, приказал: – Младший сержант Смирнов, введите вновь прибывших в расположение и постройтесь перед Ленинской комнатой.

Дима вышел из нашей шеренги и начал отдавать команды.
– Евгенич, пропусти этих в Ленинскую комнату, – сказал

ротный, обращаясь к всё ещё стоявшему на крыльце старшине первой роты.

– Проходите, проходите, богатыри. – Он с довольной миной откупорил проход и услужливо встал сбоку.

Вид, конечно, был печальным. Только я оставался в перевозданном тельнике, который мне выдали за день до исхода из учебного батальона.

Если бы вы знали, как мы ими гордились. Всё лето мы провели в майках, но очень хотелось, ну просто очень, полноценную тельняшку. Мечталось, что она пройдёт со мной до конца моей службы, и чтобы никогда её не опозорить. Сейчас же мои сокурсники стояли в рваных обносках и безразмерном тряпье – то, что на них было одето, по-другому не назовёшь.

В Ленинскую комнату Хряпин вызывал по очереди, самолично приглашая каждого войти, но меня он оставил на закуску.

Три ряда светло серых парт, непонятный железный ящик радиоаппаратуры, цветной телевизор, наглядные материалы, изображающие достаток государства по отношению к одна тысяча девятьсот тринадцатому году, неизменный для таких комнат бюст Ленина и плакаты с геройскими лицами Мироненко и Чепика. На них страшные, измождённые ненавистью душманы рвутся в пещеру, которую вместе с собой взорвёт один из них, и далёкий взрыв дувала, организованный другим. А вечная память в образе звезды героя Советского Со-

юза, словно вырванное из их груди сердце, нескромно про-
рисована в углу каждого плаката.

– Ну садись. – Он провёл меня до конца комнаты на галёрку и сел за заднюю парту, предложив сделать то же, но через узкий проход.

Только сейчас я смог увидеть не прикрытое гримасой лицо этого командира. Он изучал меня, а я откровенно пялился на него. Книжник, умница и балагур, человек, во всём отдающий себе отчёт, понимающий всё и смотрящий в корень проблем. И главное, он понимал и знал всё и без нашего объяснения, но формальности ради решил с нами поиграть, вернее, поговорить.

Всё!

...Всё, капитан Хряпин через несколько минут, подытоживая наш с ним разговор, перестанет быть для меня командиром, так как я пойму его сущность, поняв бесполезность. Ещё через месяц он покинет Афганистан и вытрет себя из моей жизни окончательно. И лишь его манера говорить не матерно, много и поганно осталась в моей памяти, как и его лицо.

Если вам кажется, что он мог бы сделать больше, то ошибаетесь! Он делал и так много – его манера уменьшения самооценки инквизируемого им давала возможность не заблудиться разуму, если он, конечно, у тебя был...

– Я сначала хотел наказать только тех, кто это сделал! Потом у меня появилась мысль, что стоит наказать всех, вклю-

чая и этих податливых барышень, но знаете, мне Куделин открыл глаза на очевидное! – Именно сейчас я меньше всего хотел бы светиться, но он рулил, и это выходило мне боком. – Во-первых, он единственный, кто в вашем прогнившем мерзостью неуставщины коллективе смог остаться при своих! Кроме того, он прав, что спрашивать с них за то, что случилось, Бесполезно! Они приехали на смену отслужившим свой долг и надеялись в первую очередь на радушный приём! А тут? Стая хищных подонков обобрала их, не сказав даже «здрасьте»! – Он сделал паузу и, рванувшись на правый край строя, заголосил: – Ты что улыбаешься? Тебе, Нуфер, даже при свете дня не стыдно! Вон твои сослуживцы хотя бы глаза опустили, а ты стоишь здесь и ухмыляешься! Не знаю, за что тебя Ладога так поднимал – наверно, хорошо жопу вылизывал и стучал!?! А как лизать стало нечего и стучать не на кого, разве что на себя самого, бросился в крайность – перешёл в зоофилы! Слонов трахать?! Причём, прошу заметить, не своих Слонов, а чужих! так как тебе даже по вашим понятиям это уже не положено!!!

– Я, товарищ капитан, – дерзнул ответить обвиняемый, но напор его дерзости был застенчив, как обморок женщины.

– Что, ты?! – Хряпин отмахнулся от его поползновения на лепет и с большей силой продолжил: – Я всегда говорил, что всё говно происходит от твоей подлой еврейской душонки, которая постоянно ищет выгоду! Что застеснялся? Сказать нечего!?! А я вот скажу! Чтобы вот этим красавицам непо-

вадно было, – он махнул рукой в сторону нашей шеренги, – чтобы все зарубили себе на носу и запомнили! Я в жизни повидал многое, но такое говно, что вы устроили вашей смене, не приемлю! Ведь ты же, Нуфер, завтра уедешь осеменять просторы нашей Родины, оставив их защищать твоё бременное тело! Как ты думаешь, они захотят тебя защищать?!

– А что всегда я! – фальцетом взмолился Нуфер.

– И знаешь, Нуфер, я рад, что у тебя никогда не будет сыновей, – ротный словно вошёл в тему и перестал обращать внимание на всех и вся, – потому что тебя зачали не естественным путём, так как такие недоноски не могут быть зачаты традиционно! Тебя зачали в телефонной будке по средствам симплексной связи! Твоя мама заскочила в телефонную будку, взялась за трубку и – бац! Залетела!

– ... – Нежданная пауза и пустота, словно один договорил, а другой ещё не переварил.

– Вот мать-то, товарищ капитан, тут при чём! – с высокой степенью обиды сказал Кучеренко.

Хряпин, видимо, и сам понял, что в своём монологе зашёлся, но, переломив ситуацию, закончил: – Ты прав, ни при чём! Она же не знает, что её сын вырос подонком. И, слава богу, наш Федя поедет на волю с чистыми погонами и голой грудью!

– Всем встать в строй, – скомандовал он, и пока строй роты принимал нас, оправился, чесанул прядь чёлки назад и заляхваци водрузил на себя фуражку, – вечером всех отъез-

жающих приглашаю на последнюю прогулку по плацу полчка, а чтобы было не грустно, то и провожающие также потопают ножками.

И всё же он был мучим некоей недосказанностью, которая рвала слова и тормозила речь. Он вновь метнулся на край строя и, совершенно не связывая события, чётко, без крика проговорил: «Ну, ты же всё равно наврёшь и всех опозоришь, купишь украденную у ветерана войны медальку и будешь носить! Жаль, Нуфер, что, провожая здесь, я не встречу тебя там!»

– Кучеренко, привести молодых в нормальное состояние и строиться на завтрак!

– А умыться? Себя в порядок привести! Товарищ капитан?!

– Нуфер вылизет, ему же с завтрашнего дня язык будет только в тягость!

...Не думаю, что в роте, которая слушала эту правду, могли зародиться хоть капли сомнения. Мы сменили часть отслуживших в ней солдат, вчерашние Слоны всё ещё глядят на них косо и готовы выполнить любую их прихоть. Им сейчас по барабану все наши повторяющие их невзгоды. Они устали от чистоты своей души и им в предстоящие полгода обеспечена реабилитация. Принявшие нас Деды – это они же, вернее, отдохнувшие позавчерашние Слоны. Они подросли за полгода своего тихого самобичевания, насмотрелись на себя со стороны и решили вытравить в себе ту боль, кото-

рая нестираемой меткой сидит в их убитом ими же мозгу...

Что-что, а команда «разойдись!» была выполнена на высоте, и мы, вчерашние курсанты, в какой-то момент времени даже опоздали.

В кубрик стали просачиваться по одному Дембеля, им, вероятно, не хотелось афишировать свою причастность к вчерашнему переодеванию. Ко мне подошёл Сергей Анатольевич и почти плаксиво спросил: «А где мой тельник?»

– А я знаю? – Вся эта история уже достала!

Утро хуже вечера и это что? Новый наезд?!

– Я же тебе сунул вчера под подушку.

– Куда сунул – там и возьми.

Сергей Анатольевич выудил из-под подушки свой тельник и скромно, то есть без слов, удалился.

До построения на завтрак оставалось дел чуть – заправить постели и умыться.

В кубрик зашёл счастливый Валера Горбунов – мой земляк, мой Дед и сосед по связке ярусов одной кровати.

– Бля, Саня, ты даёшь! – Он был действительно рад. – Я тебе защиту не гарантирую, но жизнь будет у тебя насыщенной!

– Слушай, Валера, – я не стал вступать в полемику и перешёл сразу к делу, – а тельники действительно при первой бане обменяют?

– Ну да, если ты хочешь, – он испытующе посмотрел на меня, – а что? Знаешь, можно и не менять, но тогда надо

будет самому стирать, сушить и охранять, чтобы разведчики или свои не прибрали!

Я слегка нагнулся, схватил свой тельник за ткань на спине и стащил его с себя:

– На!

– Ты чё! Ротный – он же неадекват, разорвёт!

– Бери! – Моя решимость наполнила его и так не очень-то пугливое сердце ответной реакцией и он, стащив с себя, протянул мне свой.

На батальонном построении я стоял в полинялом тельнике, который не отличался от общего тона сослуживцев роты, и только остальные, бывшие курсанты, сияли грустью в перевозданной новизне.

Ротный спросил меня, я ответил, он принял мои слова на веру и обмен утвердил.

Думаю, что мой порыв каждый расценил как поступок, но вот оценка, опять же, была индивидуальна.

К торжественному маршу!

Последующее событие было скоротечно и скрыто ночной темнотой. Я почти забыл его, но ковыряние в памяти напомнило о нём и может пролить свет на коллективность солдатских действий, даже если им противостоит командир.

Второй день пребывания в третьей роте был не менее насыщен, чем первый. Вечерний бутерброд первого дня я съел, запивая чаем из обливной кружки. Хлеб был сырым – не подмоченным, а именно сырым – он слипался, как пластилин, окончательно теряя форму при нажатии. Кусочек масла отказывался намазываться на сердцевину, заполнявшую края хлебного прямоугольника. Когда я всё же решился его откусить, то рот в секунду наполнила плохо пережёвываемая масса – масло приклеилось к нёбу, а так называемый хлеб, словно замазка, заполнил все дырочки между зубов и пазухи под языком. Всё это требовалось срочно запить, но была единственная кружка чая и нетерпеливый Шиханов, который сетовал на то, что мы придём лишь к середине фильма.

Завтрак тоже был не менее впечатляющим, чем вечер. Утренняя выволочка состава роты, косые взгляды незнакомых лиц, притирки в строю и плечевое пихание тесной толпы – всё было не вновь, но вот моя неготовность принять новый быт убивала!

Перед завтраком нам выдали столовый обвес – фляжку,

котелок и подкотельник, чехол для них и ложку. Все это теперь было нашим и носить это мы были обязаны повсеместно, а значит, драить их и начищать три раза в день – по числу приёмов пищи.

Первый осмотр моего котелка выявил на его боку нестираемую надпись: «Хрюнь». Кто он, тот безвестный боец – пораженец в правах или наоборот, самодовольный Дедок, обожравшийся душ беспрекословных Слонов? Так или иначе, кашу мы ели с ним из одного котелка. В дальнейшем я частенько к нему обращался, когда оставался один на один сам с собой, а значит и с ним наедине.

Но самое главное – это то, что котелок требовалось мыть не сразу по приёму пищи, а минут через двадцать возле полариса, и счастье, если успеешь, так как он был единственным источником горячей воды в части. Жир, добавляемый в пищу, настолько плотно обволакивал стенки котелка и подкотельника, что в полевых условиях его можно было смыть именно горячей водой, но предварительно начистив котелок и подкотельник песком. А если не поторопиться, то мытьё холодной водой превратится в каторгу – жир не смоешь и сам обсалишься. Зачастую приходилось домыывать котелок свой и Деда в том же поларисе, но минут за двадцать до приёма пищи, и не дай тебе Бог попасться с грязным предметом столовой гигиены – накормят, как свинью!!!

Помимо этой условности у каждого в этот день появилась обязанность мыть котелок одного из Дедов. Правда, мне по-

началу Деда не досталось, но Свороб мыл сразу два – Кучера и Шихана! Со мной решили повременить, зато моим однокурсникам предъявили каждому по одному.

Целуйко достался Кирею (Вячеслав Киреев – младший сержант, замкомвзвода номер два) и его земляку по Белоруссии; Диму принял на себя Виктор Пастухов (младший сержант из взвода номер один); Вдова (Юра Вдовин – он же цыган) получил в услужение алтайского земляка Витю Чалова; Хвоста (Ваню) захомутал Цапок (Цапаев); а Валя Романов достался Филиппку (Вова Филиппов). Этот список не полон, так как молодых в роте было восемнадцать, а Дедов – двадцать два. К Каунасскому ротационному пополнению добавлялась ещё и кровь тел из Ферганской учебки, которая была основным наполнением 103 ВДД.

Моя не востребованность была мне на руку, так как, не понимая первоустройства ротного порядка, я затаился, вернее, встал сбоку.

Второй день рота прожила, заполняя промежутки между приёмами пищи мелкими делами. Мы, молодые, убирали расположение, потом закреплённую за ротой территорию, которая состояла из половины дороги вдоль корпуса модуля и пяточка перед солдатской курилкой. Курилка была тоже нашей, но под полог огромного шатра заходить было страшно – оттуда постоянно доносился приглушённый смех, похожий на ночное уханье сыча, и сверкали отблески недружелюбных взглядов. А чтобы не испытывать судьбу, я подпих-

нул в неё Свороба, который не сопротивлялся, но перед тем как войти в неё оглянулся с такой прощальной миной, что впопору было совершить свой первый подвиг – закрыть товарища грудью.

Его принял звук довольного зверя, который начал подготавливать его к поеданию живьём...

Пачка сигарет, подаренная Шихановым, была настолько востребована, что к обеду я обратился к Володе, чтобы взять из своего РД одну свою – с фильтром.

– Ты меньше пачкой махай перед каждым и меньше кури, – наставительно проворчал он, – возьми эти, а те сбереги – пригодятся.

Он снова протянул мне пачку «Охотничьих» и выставил из каптёрки.

Не хочу сказать, что я понял всю суть вещей, но сигареты спрятал за пазуху, так как в мешке не подогнанного по размеру кителя их было не заметно.

Самым трудным было безделье после обеденной пустоты. Часть вроде жила и в то же время вымерла. Офицеры пропали, прапорщики растворились, а те немногие солдаты, что оставались на виду, были либо дневальными, либо молодым пополнением нашего призыва. Оставшись беспризорными, нам потребовалось место пребывания, которое в этом мире чужих условностей оказалось одно – маленький пяточок со стороны нашего всеобщего входа.

Напротив тыльного входа в модуль, через грунтовую пло-

щадку размером двенадцать на двенадцать стояли три большие конусообразные палатки. Слева направо – это бельевой склад батальона, потом курилка, в которой по внутреннему периметру располагалась скамейка со спинкой и пологом, открывающимся наподобие шатра. Третьей палаткой в ряду был вещевой склад нашей части. Перед бельевым складом стоял высокий узкий стол для укладки на него получаемого или сдаваемого белья, а по фронту линии палаток, как бы определяя границу пятачка – две длинные скамейки, на которых разрешалось сидеть, но курить было запрещено, а ещё с неизвестной целью его огораживал забор из труб в виде перекладин высотой не более полуметра.

В курилку входить было страшно, так как она скрывала в своём сердце всё, что не видели глаза снаружи, но курить в армии, как и повсеместно, положено только в ней!

И всё же, немного смоля, я начал новую эру курения перед ней. Нет, и до меня курили на этих двух скамейках – просто из нашего призыва первым начал это делать я.

Ещё одним местом для курения в части оставался поларис, который был посещаем чаще Слонами и, по собственной необходимости, Фазанами. Но там обычно встречались и плакались друг другу пораженцы, к которым я себя не относил и потому старался там не задерживаться.

В тот день в послеобеденное марево почти все молодые ротационного замещения, прибывшего из Гайжюная, оказались именно здесь. Кроме нас, связистов, из учебки в часть

приписали тройку танкистов, несколько водил, восемь обычных курков и фельдшера.

Самым колоритным был именно фельдшер – длинный, как дядя Стёпа, неуклюжий, похожий на больного рахитом дога. Он совершенно не знал, как и к кому присоседиться – его рост в неполные два метра, длинные палки рук и ног вызывали откровенный смех, что, не стесняясь, и демонстрировали все старослужащие батальона.

– Будешь курить? – Я пошарил за пазухой и, выудив из пачки плесневелую сигаретку, протянул ему.

– Да. – Он, не утруждая себя поклоном, протянул длинную, похожую на граблю, руку и принял этот первый знак солдатской дружбы.

Меня он совершенно не страшил и не смешил, точно таким же огромным и слабо поворотливым был и мой школьный друг Лёха Титов, так что комплексы больших людей я знал и даже умел их использовать. Главное в них – это вера в то, что ты его не предашь, а всё остальное неважно. Саша Кононенко был «пинцетом» – это повсеместная кликуха у фельдшеров ВДВ, а приписали его к хозвзводу. Небольшая часть Ферганцев опасливой стайкой жалась к дверям модуля, те же, кто прилетел из Литвы, были наиболее раскрепощены, но не все друг с другом знакомы. Основным контингентом всё же была Фергана, так как именно этот учебный центр и формировал расстрельное тело нашей дивизии, наполняя её по мере надобности, с учётом текущих потерь.

«С кем тут дружить?» – думал я и, наверное, Пинцет Саша, сидя молча и рассматривая тех, с кем нам придётся коротать последующие полтора года.

От своих я уже вчера отошёл, а кого здесь собрать под себя? Единственным принимаемым мной был Свороб.

– Знаешь, я ведь сюда не стремился, – соткровенничал я и занял собеседника разговором...

Саша оказался с Украины, а вот был ли хохлом – не помню. Дружеская беседа съела время до последующего построения части.

Второй развод батальона, который проводился в шестнадцать часов местного времени, собрал замятые лица почти всех офицеров, прапорщиков и солдат со сроком службы более года. Такое рвение на поспать озадачивало, если не сказать удивляло.

Но в дальнейшем всё оказалось прозаичнее. При переходе на летнюю форму одежды в распорядок дня вставлялся двухчасовой послеобеденный сон, который на момент дневной жары останавливал все бессмысленные перемещения по дивизии, а возврат на зимний распорядок отменял этот недостаток, но совершенно не вычёркивал привычки всего личного состава на пере поспать. Вот и растворялся весь батальон в пределах собственной части, не скрипя кроватями, но наминая лица! Одним словом, все были сонными мухами, которых охраняло бесхозное стадо Слонов.

Второй развод сути дела не менял, он просто собирал всех

в единый строй, чтобы после недолгого стояния все разбрелись выполнять поставленную с утра задачу, а по сути – снова коротать время, но уже до ужина.

Ужин был в темноте. Небо покрыли морозящие на землю тучи, но сезон дождей ещё не начался. Солнце, пригревавшее бока днём, с заходом забирало всё тепло с собой. Холод и сырость накатывались так быстро, что пробирало до дрожи. Конечно, привычка нужна ко всему и даже к холоду, поэтому первое время мы откровенно зябли.

– Ну, Башловка-шалашовка, – выкрикнул Вдова в сторону нашего стола, – где та пачка сигарет, что ты мне обещал?!

– Вдова?! Дак ты же не куришь? – Крик с ряда столов соседней роты начал веселье.

– Ну и хули, что не курю! – Самодовольный Вдова с прищуром цыгана зацокал языком, подначивая коллектив. – Хули с того! Я же рожал! Или ты не рожал?! Вот и посмотрим, насколько достойная смена пришла дембелям! Давай иди к нам, не стесняйся!

Сидевший напротив меня мальчик со смуглым лицом весь сжался и задрожал, лицо рядом сидящего приняло его панику и скривило такую гримасу, что впору было закричать: «Прекратите!». Но ведь ещё ничего и не началось!!!

– Давай, Слоняра, поторапливайся! – Развязные возгласы из-за последнего стола заставили его приподняться и начать движение в сторону прохода.

Согнутый в знак вопроса, с дрожащими перед плачем гу-

бами мальчик «полз», цепляясь за колени своих сослуживцев, а они не пускали, так как сами оцепенели от страха.

– Ну, чё не торопимся? Алекс, а ну подтолкни! – приказал Кучер, выразив нетерпение, одному из сидящих к нам спиной за соседним столом.

Тот быстро обернулся и, ухватив Башловку за правое плечо, вытолкнул его в проход, при этом троим, сидевшим слева от пораженца, пришлось откинуться назад. Реакция соседнего стола была молниеносной – они резко повернулись и каждый ударил свалившегося на него в спину. Те в свою очередь повалились грудью на котелки – благо в них была каша, а не обеденный заплывший жиром суп.

Всё это действие сопровождалось нарастающим смехом.

А потом Башловку избили. Он, как мог, защищался, подставляя под удары руки, а его мутузили по очереди, с придирами, но не по лицу. Потом отпустили, и он плакал, орошая кашу в котелке собственными слезами – плакал и ел, а иногда подтирал сопли и продолжал есть.

Мы же, вчерашне прибывшие, сидели, смотрели исподлобья и не принимали всё это! Потом позвали Пахалкина, и всё повторилось с точностью до мелочей, а затем на сцену стали выволакивать солдатиков из соседней роты, и наши Деда, перейдя с авансцены в партер, принялись подтрунивать и ржать, пока Деда второй роты упражнялись в силе – семеро на одного. И никто не останавливал этот беспредел. Не было рядом ни офицеров, ни прапорщиков, ни защитников,

ни друганов, ни даже просто трезво смотревшего на вещи Человека! Были две стайки зажатых в палатке Слонов и куча Подонков, поменявшихся друг с другом местами.

– Так, хватит ржать! – подал с улицы голос прапорщик Булин.

Он с вечера принял дежурство по столовой, но ему претило заходить в палатку не своего взвода.

– Всё, закончить приём пищи! – произнёс Шиханов и встал.

Он не стал дожидаться, пока на столах закончится уборка, а пошёл по проходу в сторону выхода.

– А чё, блядь, не едим? – Он обратил внимание на наши нетронутые подкотельники, в которых виднелась наваленная горкой каша. – Так, быстро рты открыли и сметали весь хлеб, и чаем запили!

Я хлебнул чая, но хлеб трогать не стал.

– Чё, – Кучеренко подвалил к столу и посмотрел на меня – брезгуем?! Литовских шей не хватает?! Жрите, что дают, другого не будет! Зима наступит – это тортом покажется!

И всё равно я не стал. Как вообще после всего этого можно есть?!

– Так, остатки пищи вывалить в котлы обратно и строиться, – скомандовал Кучер, – это касается молодых Слончат, слышишь, Куделин?!

Раздался дружный смех выходивших из-за столов Дедов и скрежет ложек по подкотельникам, чтобы избавиться от

остатков несъеденной пищи.

Были в этой драме и зрители, вернее, молчаливые созерцатели, которые прятали взгляд и всё ещё горбились, стараясь отгородиться от всех собственной спиной – Фазаны, ещё вчерашние Слоны.

Из палатки мы с Димкой Смирновым выходили последними. Он приостановил меня до выхода из-под полога: «Сая, это они нам показывают, что с нами будет, если не подчинимся!»

– Понимаю, только тебе проще, а вот я ещё не готов! – Это не было моё внутреннее противостояние. Но просто, вот так вот на веру принять все эти удары и слёзы?! Всё казалось невсамделишным.

Уж если бить – то смертным боем, а не так, как это происходит в этой палатке, словно не по-настоящему и даже не для острастки! И вроде не злоба, а вымещение надуманной обиды, которой изливался каждый удар по телу испуганного юнца. Знаете, порой казалось, что вместе с подготовкой к службе в войсках их в Ферганской учебке подготавливали и к дембелизму, чего не было в нашей учебной дивизии, так как там неуставные взаимоотношения были замешаны больше на наставничестве, чем на беспределе.

Но всё же жути на нас нагнали!

Тело, не согретое изнутри пищей, приняло ночную прохладу почти сразу. Луна совершенно потерялась в облаках, и только некое её сияние обозначало, что она всё же суще-

ствует. Ночная равнина упиралась в еле различимые горы, которые тёмным контуром обозначали собственную высоту.

Куда здесь бежать?! Кажущаяся безжизненной местность ощетибилась неизвестностью, скрывавшей в себе войну. Какая она эта война? И за что? И где сейчас страшнее – здесь или там?!

– Так, рота, – неизвестно откуда взявшийся Кубраков, прорисовавшись из ночи, скомандовал и исчез, – полчаса на помытие котелков и – на построение на плац полтинника! И, Кучеренко, в строю должны быть все – и дембеля! Так им и передай!

Думаю, что в полчаса мы вписались. Рота в полном порядке была построена на плацу полтинника, где парад принимал ротный Хряпин. Он прогнал роту раз пять с края на край, потом отпустил офицеров и принялся упражнять личный состав самостоятельно. Чего он добивался? Ни чёткого шага, ни слаженности движения в эту темень не то что добиться – помечтать было невозможно.

– Заебать решил, – произнёс шедший рядом со мной Горбунов.

Он именно шёл, а не печатал, как мы, шаг. Вообще, за весь строй старались только мы, вчерашние.

– Рота, стой! – Хряпин, словно устав, прекратил поползновение на единый шаг.

Рота остановилась, вяло шаркнув приставной ногой.

– Налево!

Рота повернулась и нехотя замерла.

– Вы что, решили меня довести до белого каленья? Я вам что, лампочка Ильича? Я же освещать ваш шаг не буду, я ведь и на слух могу определить, кто марширует, а кто нет!

– Товарищ капитан, а что собственно произошло? – выразил мнение коллектива Кучеренко.

– А у вас что, короткая память, как у институтки?! – Хряпин оседлал голос и попёр: – Вы что, утро вечером не помните?!

– Ну, товарищ капитан, ведь разобрались, обратно переодели, что ещё? Вон они стоят как новенькие, их даже сегодня никто пальцем не тронул! – обиженно высказался Кучер, и его ропотом поддержал основной состав роты.

– А ты что?! Ещё собираешься и пальцем их трогать?! Кучеренко, не смейся! Тебя же соплёй перешибёшь! Ты на себя посмотри! С тебя штаны без резинки спадывают!

– А чё сразу на личности, я вас не оскорбляю.

– А ты оскорби! Оскорби! У вас же силы хватает мародёрить, вот и воздух ты уже шевелить начал! Давай, оскорби!

Паузу, возникшую в ночи, прервал звук армейского рожка, который отпевал отбой части.

– Товарищ капитан, давайте заканчивать, – подал голос Шиханов, – вон в полтиннике отбой и нам пора.

– Пора будет, когда я скажу: «Пора!», а сейчас – «Рота!», «На!», «Пра-а-во!»

Рота повернулась, но сквозь ряды пошёл шепоток: «Все

на месте стоять! Никто не двигается!»

– «Шагом!»

Рота в прежнем порыве подалась телом чуть вперед.

– «Марш!!»

Рота стояла и с места не двигалась...

Противостояние было недолгим. Каждый вызванный в отдельности исполнял строевые команды, но в слаженном строю никто движения не производил.

– Так, сержанты, остаться! Шиханов, веди роту в расположение, произвести вечернюю проверку и отбой! – Хряпин прекратил это противостояние, и даже излишняя словоохотливость покинула его.

Дима Смирнов мне потом пересказал смысл их беседы – она была больше примирением, чем наездом на не подчинившихся младших командиров. Ротный резонно объяснил, что будет с каждым, если он этот инцидент осветит командованию части – офицеры этого никогда не простят и не отпустят. Роту переформируют, но бунту не быть. И если они (младшие командиры) не дураки, то им лучше разъяснить свою неправоту солдатам. Если же все хотят последствий – то они будут!..

...Я жил с ними и видел солдат, которых оставили после себя заменённые нами дембеля! Я видел нас, проводивших своих дедов! Но то отребье, что стояло три дня рядом со мной в строю, я до сих пор с гнусностью отвергаю!

Они оставили после себя совершенно морально унижен-

ных Годков; они приняли нас, молодых, как стая голодных шакалов, срывая с живых шкуру и шерсть; они даже слова не произнесли, когда рота, сдерживая муштру, дала отпор вдруг зашедшему в тупик офицеру!

Они ушли незаметно, пакостливо скрыв увольнение, спрятавшись за спины других, растворив свои улыбки в ночи плаца, одиноко стоящего по центру уже уснувшей дивизии!..

На следующий день без братаний и прощаний остаток батальонных дембелей вместо завтрака отвели в штаб дивизии, где последняя гнусь была собрана в команду и отправлена на Родину.

Я не раз провожал дембелей и знаю, как прощаются с достойными. От этих просто освободились, причём как офицеры, так и личный состав тоже!

Мы. (Слоны) —

– мечтатели, вершители, герои и мстители, а ещё читатели и мыслепоглотители – это всё Мы, которым счастливо не посчастливилось попасть в армию, в десант, а затем и в Афганистан. И нет разницы, где и когда, с кем и как – Мы все от материнских сердец, от одного призыва и от веры в то, что в конце этого нежданного сумасшествия будут почёт и уважение от благодарных лиц встречающих... Мы все разные и все как один – без претензий на чужие устои и с неприятием посягательств на собственное Тело!!!

Мы злились на нерасторопных родителей за то, что те не породили нас до начала Великой Отечественной войны, так как больше геройских поступков совершить было негде!

Ведь только ловко использовав свой маленький рост, можно стать воспетым в поколениях пионером героем, которого будут узнавать по фотографиям и брать пример!

Понимаете, не я с них, а вы с меня! И совершенно не обязательно для этого умирать, как сделали все они, а достаточно получить ранение, лучше в ногу, похромать, поправиться и с медалью, а лучше с орденом, вернуться туда, где с наполненной гордостью грудью тебя ждут родные и близкие, а ещё лучше – ненавистные школьные учителя, которым придётся признать всю свою неправоту по отношению к спрятавшейся в тебе Личности! И это так, и это всё в нас. Мы мальчишка-

ми родились, нас ими растили, и вы думаете, что внешние изменения убили всё, что вы в нас понапихали?!

Нет! И это НЕТ – Мы!

...В 1979 году я сидел в тесной аудитории техникума и делал вид, что понимаю немецкую речь, когда вдруг вошла завотделения и зачитала правительственное сообщение о вводе Советских войск в Афганистан.

Отбросив сомнения, я начал грезить, будто вывожу остаток дивизии из окружения. Местность никак не прорисовывалась, так как ранее, изучая географию, мы на Афганистан внимания не обращали – а что может быть интересного в неразвитом арабском мире с его отсталым строем и кирпичного цвета географическим ландшафтом, прорисованным на картах?

Я не знал численности дивизии, но остатков от неё могло быть сколько угодно – в моих грёзах оставалось не больше человек десяти. И всех делов то – нужно было из сгоревшего леса выйти на опушку и, обойдя корни вырванного бурей дерева, спрятаться за ним. И всё!!!

Я отгонял от себя это наваждение, но оно вновь и вновь возвращалось, меняя только численный состав и обмундирование опекаемых мной бойцов. Да и обмундирования то на нас не было – телогрейки да сапоги, а из оружия – лишь сломанный пулемёт, из которого стрелять нельзя!!! так как враги услышат!! заметят и всех перебьют!...

Где здесь героизм?! Не знаю, но думается, что ум юноши

принял правильное решение – малой силой врага не одолеть! Сжать зубы, стерпеть, переждать и, набравшись силы, дать отпор. Нет, не просто выстрелить из-за ствола поваленного дерева, а разорвать в клочья, выгрызая живую плоть из горла противника!!

Да!!!

Да – нас именно этому и учили! В нас это как раз и воспитывали! Вся история нашей Родины – это сплошной терпёж с последующей раздачей дивидендов! И поэтому мы такие и есть – морально неудовлетворённые, с морщинами терпивцев на лбу и взрывным характером, который, называя русской душой, никто в мире понять не может!

Мой брат, подводя итог после игры в преферанс, поговаривал: «Воюют все – умирает каждый в одиночку!». Это да, но в армии есть повторяющийся афоризм, который каждый, прошедший её, уносит в себе: «Нас ебут, а мы крепчаем!»

Вот и пришли мы, каждый после своей учебки, еле окрепшие, с сердцами, готовыми обнять мир, но ждущими подвига!

Никто из нас не знал, каким он будет тот подвиг, но с каждым шагом в груди вновь прибывшего бойца прорастала досада: «Вы, с-суки, служите там, в Союзе, а мечтаете о подвиге здесь! И не знаете, что нас тут убивают дважды – но только чужие после своих!».

А ещё мы мальчишки: с детскими личиками, с впалыми от усталости глазами и боязною обернуться на звук. Нам жалко

своих мам, потому что они нас могут и не дожидаться. Среда, принявшая нас, настолько враждебна, что нет силы бороться с собой – лишь качество смерти и голосок матери, теребящий собственное сердце, заставляют сопротивляться, вяло втаптывая жижу поглотившего нас болота. Нам стыдно перед подругами, потому что приходится врать – «тут бравурно и хорошо», а ещё мы ненавидим оставленных на гражданке друзей, так как они «нашей каши не едали!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.